Кр Р1
3-67
Кр-40778

К. Златовратскій.

ДѢТСКІЕ и ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ.

(Очерки былого).

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
МОСКВА—1908.

Кр. 51
3-68

Дѣтскіе и школьные годы.

(Очерки былого) [1]).

I.

Семейный укладъ неизреченнаго благодушія и религіозно-семинарскаго романтизма.

Моя родина—одинъ изъ небольшихъ губернскихъ городовъ близъ Москвы, про который сложилась пословица: «N. городокъ—Москвы уголокъ». Когда-то игравшій значительную роль въ нашей исторіи, онъ ко времени моего рожденія представлялъ собою лишь очень скромный административный центръ, населенный исключительно чиновниками всякихъ ранговъ да нѣкоторыми дворянскими родами и обслуживавшими ихъ купцами и мѣщанами-ремесленниками; лишенный всякаго промышленнаго значенія, онъ могъ гордиться только своими историческими древностями, по большей части религіознаго характера, да вишневыми садами. Вотъ все, что оставила на его долю восторжествовавшая надъ нимъ Москва.

Мнѣ говорили, что я родился въ 1845 году въ семьѣ скромнаго молодого чиновника, отецъ и дѣды котораго были духовнаго званія, а отдаленные прадѣды были

---

[1]) Въ этихъ очеркахъ я имѣлъ цѣлью не столько дать автобіографически-протокольный curiculum vitae, сколько воспроизвести процессъ развитія мальчика въ извѣстныхъ условіяхъ мѣста и времени. Поэтому упоминаемыя въ нихъ событія и лица воспроизводятся лишь съ той стороны и въ той мѣрѣ, какъ они запечатлѣлись въ душѣ разсказчика въ описываемый періодъ его жизни.

ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ

будто бы крестьяне. Родился я, какъ мнѣ разсказывали, очень трудно, что матушка мучилась мною трое сутокъ (что, впрочемъ, вполнѣ естественно объясняется, т. к. я былъ первенецъ), что родовыя муки ея достигли такой степени, что всѣ окружающіе пришли къ рѣшенію обратиться къ мѣстному приходскому батюшкѣ съ просьбой прибѣгнуть къ помощи Высшей Силы и отворить въ церкви царскія двери. Повидимому, это было исполнено, и роды совершились благополучно. Дальше говорили, что я родился «въ сорочкѣ»; что это за штука, я и до сихъ поръ не могу объяснить себѣ хорошо, но я помню, что матушка эту «сорочку» хранила всегда въ видѣ сверточка сухой кожицы въ маленькомъ мѣшочкѣ, показывала мнѣ и говорила, что это моя «сорочка», въ которой я родился, что это не со всякимъ бываетъ и что рожденіе въ ней принесетъ мнѣ счастье въ жизни.

Затѣмъ первое, что у меня осталось въ воспоминаніи изъ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ,—это были неутѣшныя слезы матери о потерѣ двухъ родившихся послѣ меня дочерей, которыя, какъ увѣряла меня мать, вскорѣ одна за другой «были взяты Богомъ на небо». Затѣмъ я уже вполнѣ ясно представляю себя въ сообществѣ третьей сестры подъ неуклоннымъ присмотромъ матушки и старой прабабки (по дѣдушкѣ-дьякону), высокой, сухой, необыкновенно подвижной и хлопотливой старушки съ сухимъ лицомъ, на которомъ особенно выдавался подбородокъ въ видѣ табакерки подъ ея носомъ. Очевидно, она производила на меня сильное впечатлѣніе, такъ какъ я представляю ее себѣ яснѣе, чѣмъ отца и мать въ то время. И это понятно: отецъ былъ занятъ службой, мать хворала отъ частыхъ родовъ, и «старая бабушка Катерина» являлась, стало быть, единственной дѣятельной, хлопотливой хранительницей домашняго очага и самой преданной моей нянькой. Прежде всего представляется она мнѣ необыкновенно живымъ существомъ, постоянно кого-то защищавшимъ, кого-то примиряющимъ (особенно

въ отношеніяхъ моей нервной матери къ грубоватой свекрови, а слѣдовательно, между матушкой и отцомъ). Затѣмъ почему-то я всегда воображалъ ее «знающей все», даже по книжной части. Впослѣдствіи мнѣ передавали, что, когда она жила въ деревнѣ, она славилась какъ «начетчица» и «подвижница», ее приводили въ примѣръ, какъ необыкновенно суроваго стоика, что она могла проводить на молитвѣ цѣлые дни и ночи, питаясь исключительно просфорой въ день. Однимъ словомъ, о ней ходила легенда. Насколько я помню, я былъ всегда проникнутъ необыкновеннымъ къ ней уваженіемъ, соединеннымъ какъ бы съ нѣкоторымъ религіознымъ страхомъ.

Все это однако рисуется мнѣ въ очень смутныхъ и неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Еще задолго до поступленія моего въ гимназію мнѣ вспоминается она сидящей въ большихъ очкахъ и что-то внятно, слово за словомъ, читающей мнѣ и матушкѣ по какой-то, несомнѣнно, «божественной» книгѣ, а затѣмъ она какъ-то исчезаетъ изъ моего воспоминанія; повидимому, она вскорѣ умерла и не въ нашемъ домѣ. По крайней мѣрѣ похоронъ ея я не помню.

Помню, что другимъ наиболѣе близкимъ моей душѣ существомъ въ то время былъ мой добродушный дѣдъ, низенькій, худенькій старичокъ, служившій дьякономъ въ церкви при одномъ историческомъ зданіи. Можетъ быть, потому что я у него былъ первый «внучёкъ», онъ ходилъ очень часто забавляться со мною въ нашъ маленькій домикъ на окраинѣ города, игравшій въ моей дальнѣйшей судьбѣ такую видную роль.

Слѣдующимъ затѣмъ наиболѣе яркимъ фактомъ, оставшимся въ моемъ сознаніи, было появленіе въ нашемъ домѣ семинаристовъ. Первымъ нахлѣбникомъ, принятымъ къ намъ, былъ дядя Сергѣй (по матери), котораго я въ то время представляю себѣ не иначе, какъ въ видѣ необыкновенно длинной, сутуловатой фигуры съ смуглымъ лицомъ и темными волосами, мало разговорчивой, нѣ-

сколько даже суровой, ходившей еще въ длинномъ синемъ халатѣ на манеръ подрясника (въ такой «формѣ» семинаристы ходили еще въ то время и въ классы). Все его значеніе для меня въ первое время ограничивалось пока, съ одной стороны, клееніемъ для меня, да столь же пожалуй и для себя, разнообразныхъ змѣевъ, иногда необыкновенно большихъ, запускавшихся даже съ горящими фонарями, и играньемъ въ городки и бабки (все это производилъ онъ съ необыкновенной серьезностью), съ другой стороны, тѣмъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое производила на меня полка въ его очень маленькой комнаткѣ (называвшейся «семинарской»), которая съ каждымъ годомъ все больше и больше пополнялась стопками тетрадокъ, заключавшихъ въ себѣ такъ назыв. «задачки» (классныя сочиненія); къ этимъ «задачкамъ», написаннымъ на разнообразныя риторическія (онъ былъ тогда еще въ классѣ риторики), а затѣмъ и философско-богословскія темы, я впослѣдствіи относился не иначе какъ съ величайшимъ уваженіемъ, хотя я въ нихъ, конечно, и не заглядывалъ еще тогда.

Въ то время я только что приступалъ къ ученію грамотѣ. По тогдашнему обычаю, матушка вмѣстѣ съ прабабкой купили азбуку и указку и вмѣстѣ со мною пошли въ церковь отслужить молебенъ пророку Науму («пророкъ Божій Наумъ, наставь младенца на умъ», молились тогда); по возвращеніи, все съ молитвой, сдали меня буквально съ рукъ на руки (т. к. мнѣ было тогда не больше 6—7 лѣтъ) учителю, такому же высокому, черноватому и мрачноватому семинаристу, какъ и мой дядя, который уже ожидалъ нашего прихода изъ церкви.

Мой первый учитель, несмотря на его суровый видъ и на то, что онъ былъ уже «философъ» (по семинаріи), былъ очень добродушный человѣкъ. Надо полагать, что я въ то время былъ живой и шаловливый мальчикъ, такъ какъ помню, что прежде чѣмъ начать со мной урокъ, мой учитель долженъ былъ предварительно разыскать меня

или въ саду, или на улицѣ, и затѣмъ уже съ разными ласковыми уговорами нести на рукахъ домой и усадить за азбуку. Кромѣ впечатлѣнія этого неизреченнаго благодушія, въ моихъ воспоминаніяхъ не осталось ничего болѣе опредѣленнаго о моемъ первомъ учителѣ. Но, можетъ быть, для того періода моего дѣтства и это было уже большимъ преимуществомъ, когда припомнишь, въ какихъ еще невѣроятно грубѣйшихъ формахъ шло въ то время воспитаніе и самого моего учителя и моихъ сверстниковъ изъ окружавшихъ насъ сосѣдей. Мнѣ уже тогда приходилось отъ этихъ сверстниковъ узнавать, какъ горько многимъ изъ нихъ давалась грамота, постоянно сопровождавшаяся драньемъ вихровъ, битьемъ линейкой, грубыми окриками и пороньемъ розгами и крапивой какъ со стороны учителей, такъ и со стороны самихъ родителей.

Въ нашемъ домѣ, благодаря ли случайности или особому укладу нашей семьи, царила въ этомъ отношеніи нѣсколько иная атмосфера, благодушная въ общемъ и лишь отъ времени до времени прерывавшаяся какими-то необыкновенно нервными вспышками, когда и отецъ и мать преисполнялись совершенно необъяснимымъ озлобленіемъ къ себѣ самимъ, другъ къ другу и къ окружающимъ и устраивали въ своемъ домѣ на нѣкоторое, впрочемъ, очень непродолжительное время, настоящій адъ. Эти періоды, конечно, производили и на меня очень удручающее впечатлѣніе, такъ какъ и мнѣ въ то время приходилось испытывать очень чувствительное «внушеніе» по такимъ поводамъ, за которые при обычномъ режимѣ нашей жизни никогда этого не полагалось. А общій режимъ этой жизни въ нашей семьѣ въ то время складывался изъ двухъ основныхъ элементовъ—изъ неизреченнаго благодушія и религіозности.

Религіозный культъ, насколько я могу запомнить, съ самыхъ первыхъ дней моей жизни игралъ довольно большую роль въ нашемъ домашнемъ укладѣ. Несмотря на то, что мать и отецъ были еще очень молоды, но уже и

въ то время исполненіе всякихъ церковныхъ обрядностей считалось ими почти обязательнымъ, и это особенно со стороны матери, отецъ же относился къ такому религіозному ригоризму далеко не съ такимъ рвеніемъ, и если не протестовалъ противъ него, то исключительно благодаря нежеланію раздражать нервную натуру матери; но для матери религіозныя обрядности составляли дѣйствительно настоящій культъ. Для нея это не было чѣмъ-то только внѣшнимъ, формальнымъ,—это было цѣлое обширное міровоззрѣніе, которое охватывало одною общею гармоническою системой всѣ проявленія человѣческой души; въ ней заключался отвѣтъ и на самые сложные запросы жизни, и на самыя возвышенныя задачи нравственности и находилось удовлетвореніе всѣмъ эстетическимъ потребностямъ въ жизни. Это былъ поистинѣ какой-то религіозный романтизмъ, который въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи при увеличивающихся тягостяхъ жизни принималъ характеръ средневѣкового аскетическаго формализма, такого же иногда суроваго и нетерпимаго. Въ первые мои младенческіе годы я не помню суровость этого режима; въ этомъ культѣ какъ для матери, такъ и для меня все еще было полно чего-то возвышеннаго, таинственнаго и поэтическаго.

Да и дѣйствительно, при необыкновенной духовной скудости окружавшей насъ жизни скучнаго городка, представлявшаго лишь исключительно административный центръ, при крайней низменности духовныхъ запросовъ, которыми жило окружающее насъ чиновничество и мѣщанство, такой поэтически-религіозный культъ врядъ ли не являлся единственнымъ идеальнымъ началомъ жизни, въ которомъ могли находить удовлетвореніе наиболѣе чуткія натуры.

А насколько были грубы и неприхотливы еще формы и требованія окружающей жизни, можно судить по тому, что, напримѣръ, мои воспитатели «философы», какъ дядя и учитель, несмотря на разработку головоломныхъ фило-

софскихъ темъ въ своихъ «задачкахъ», которыми они славились по всей семинаріи, принимали участіе въ большихъ кулачныхъ бояхъ, происходившихъ почти вблизи нашего дома, между семинаристами и мѣщанами; или въ томъ, напр., что моя матушка, несмотря на возвышенность своего религіозно-этическаго культа, врядъ ли не снисходительнѣе относилась къ этимъ боямъ, чѣмъ къ разнымъ комедіантамъ (волтижорамъ и гимнастамъ) и актерамъ, изрѣдка наѣзжавшимъ въ нашъ городъ. Какъ я помню, въ смыслѣ «свѣтскихъ» удовольствій единственно допускались лишь духовныя и семинарскія пѣсни (изъ романтическаго репертуара 30-хъ годовъ) подъ аккомпанементъ гуслей и гитары, но и то ни въ какомъ случаѣ не наканунѣ праздниковъ. Зато этимъ поэтическимъ наслажденіямъ отдавались со всею душой, и даже матушка, которая особенно любила пѣсни романтическаго и религіознаго содержанія. Она съ особенною любовью вспоминала о своемъ старшемъ братѣ, котораго я никогда не видывалъ, кончившаго курсъ въ какомъ-то высшемъ учебномъ заведеніи въ Питерѣ и поступившемъ тамъ же на службу, но скоро умершемъ. Особенно, по ея словамъ, онъ любилъ поэзію такого рода и даже сочинилъ цѣлую книжку такихъ стихотвореній.

Къ области этихъ поэтически-религіозныхъ удовольствій (такъ какъ именно съ этой стороны они для меня особенно памятны) должно отнести и особую страсть моей матушки къ хорошимъ живописнымъ иконамъ, украшеннымъ особенно изящными ризами. Эта любовь развилась въ ней до болѣзненности, для удовлетворенія которой она не останавливалась передъ самыми рискованными займами, иногда ставившими нашу семью въ довольно критическое положеніе.

Этимъ романтически-религіознымъ настроеніемъ матушки надо объяснить главнымъ образомъ и то, что я уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ помню, что нашъ домъ и преимущественно кухня служили всегда обиталищемъ для

бѣднаго деревенскаго люда, приходившаго на богомолье и вмѣстѣ по разнымъ дѣламъ, касавшимся ихъ нуждъ, относительно которыхъ они хотѣли знать «правду» или по крайней мѣрѣ пути къ ней. Здѣсь по вечерамъ, большею частью въ присутствіи насъ, дѣтей, велись прабабкой и матушкой безконечныя бесѣды съ этими случайными гостями на житейскія и религіозныя темы, выслушивались ихъ жалобы на тяготы тогдашней жизни, слушались разсказы о далекихъ странствованіяхъ по святымъ мѣстамъ. Случались, конечно, среди нихъ обманщики или жалкіе попрошайки и пропойцы, но все же это были исключенія; въ большинствѣ же случаевъ это были или глубоко страдавшіе люди отъ житейскихъ тяготъ, искавшіе въ религіозныхъ странствованіяхъ утѣшенія, излѣченія и забвенія своихъ страданій, или же это были настоящіе народные «романтики»,—стихійная народная интеллигенція,—душа которыхъ не удовлетворялась мелочной сутолокой жизни, которыхъ постоянно тянуло на волю, на просторъ, къ духовному общенію съ людьми необъятнаго Божьяго міра, въ которомъ они искали отвѣтовъ на безпокойные запросы своего духа и расширенія своего умственнаго кругозора.

Прибавлю еще къ этому, что иногда и самъ отецъ въ праздники, когда былъ особенно благодушно настроенъ, любилъ собирать около себя всѣхъ чадъ и домочадцевъ и прочитывать что-нибудь изъ библейской или евангельской исторіи. Таковы были впечатлѣнія моей семейной и домашней обстановки въ самые ранніе мои годы.

Къ нимъ нужно прибавить и тѣ, которыя остались для меня неразрывно связанными съ воспоминаніями о моихъ дѣдахъ. Болѣе часто, конечно, ходилъ я къ дѣду-дьякону, имѣвшему въ городѣ маленькій домъ съ большимъ вишневымъ садомъ. Я очень любилъ проводить въ этомъ саду цѣлые дни, весело болтая съ своимъ добрымъ старымъ дѣдомъ, который любилъ подвыпить, отчего его природному благодушію не было конца. Такъ какъ сама бабка

далеко не отличалась такимъ благодушіемъ какъ относительно дѣда, такъ и меня, то мы съ особеннымъ удовольствіемъ удалялись съ дѣдомъ въ чащу сада. Но особенно остался мнѣ памятенъ этотъ садъ по тѣмъ весеннимъ вечерамъ, когда собирались здѣсь съ товарищами подъ вишневыми кущами мои молодые дядья, въ то время семинаристы, а впослѣдствіи студенты, которые весело дѣлились здѣсь своими впечатлѣніями и особенно хорошо пѣли хоромъ, въ чемъ принималъ участіе съ особеннымъ удовольствіемъ и самъ дѣдъ.

Не меньшее удовольствіе доставляли мнѣ поѣздки раза два въ годъ къ другому моему дѣду, по матери, бывшему священникомъ въ сосѣднемъ уѣздномъ городкѣ. Если эти поѣздки были лѣтнія, сюда также собиралась студенческая и семинарская-молодежь. Вмѣстѣ съ нею я ѣздилъ и по сосѣднимъ селамъ къ родственникамъ изъ духовенства, гдѣ время всегда проводилось такъ благодушно и весело, какъ это умѣетъ дѣлать самая зеленая молодость. Мнѣ особенно помнится, что на меня сильное впечатлѣніе производила сельская природа, особенно на берегахъ Оки, и вообще вся сельская обстановка, которая въ то время показывалась мнѣ, очевидно, съ наиболѣе свѣтлой стороны, такъ какъ въ моемъ воспоминаніи не удержалось почти ни одной тяжелой картины изъ того времени.

Меня, маленькаго городского обывателя, жившаго въ то время все же очень замкнутой жизнью, уже и тогда поражала деревня прежде всего своей поэтически-праздничной стороной, широкимъ привольемъ полей, лѣсовъ и рѣкъ и благодушіемъ своего обывателя, которое въ этомъ случаѣ совпадало съ укладомъ нашей семьи.

Такимъ припоминается мнѣ мое раннее дѣтство до девятилѣтняго возраста, насколько я могу припомнить, не омраченное ни однимъ грустнымъ и тяжелымъ воспоминаніемъ изъ моей личной жизни. Это было дѣтство, быть можетъ, исключительно счастливое для того «добраго ста-

раго времени», когда сама религія являлась часто прикрытіемъ грубыхъ инстинктовъ и дикаго произвола и деспотизма.

II.

Первое знакомство съ правами гимназической бурсы.—Перлы и адаманты дореформенной системы воспитанія.—Нашъ Аргусъ и поэтическій сѣкаторъ.

Когда мнѣ пошелъ десятый годъ, въ моей маленькой жизни совершился важный переломъ: мнѣ былъ сшитъ, къ моему велпкому удовольствію, невѣроятно блестящій, но и крайне несуразный гимназическій мундиръ николаевскихъ временъ, который мы называли «спереди кофта, а сзади фракъ», съ громаднымъ, тугимъ, стоячимъ, шитымъ золотымъ позументомъ воротникомъ, который держалъ все тѣло въ самомъ неестественномъ положеніи; тѣмъ не менѣе онъ меня приводилъ въ самое восторженное настроеніе. И уже съ нимъ вмѣстѣ тотчасъ же явилась мысль о «генеральствѣ», такъ какъ я не могъ устоять противъ искушенія похвалиться имъ предъ своими уличными сверстниками. Увы, однако не сдѣлалъ этотъ мундиръ меня генераломъ, но зато стоилъ моей душѣ всяческихъ испытаній. Прежде всего съ этимъ мундиромъ я выходилъ изъ своей, хотя и благодушно-поэтической, но замкнутой обстановки въ широкую сферу очень разнообразнаго товарищества, во-первыхъ, и въ крайне дикій, неестественный укладъ жизни, во-вторыхъ, укладъ, неимѣвшій почти ничего общаго съ тѣмъ, что было пережито мною раньше,—это была бурсацкая система воспитанія, одинаково царившая въ то время какъ въ гимназіи, такъ и въ семинаріи.

Въ первое время гимназія какъ будто взглянула на меня еще весело и любовно. По крайней мѣрѣ въ первый годъ я не помню еще ничего такого, что бы особенно рѣзко сказалось на мнѣ. И директоръ, и инспекторъ, и учителя, всѣ мнѣ представлялись еще такими же добрыми и благо-

душными, какъ мои отецъ и мать, и это было на первый разъ понятно, такъ какъ многіе изъ нихъ были такіе же благодушные отцы своихъ дѣтей до тѣхъ поръ, пока не вступала въ силу «система»,—и они, сами робкіе, не имѣвшіе и не смѣвшіе имѣть никакихъ собственныхъ мнѣній, дѣлались покорными и жестокими ея рабами. Однако же хотя я, повидимому, и не ощущалъ еще въ первое время особой разницы въ моемъ положеніи, но уже ядъ школярства, возросшій въ условіяхъ этой «системы» и отравлявшій все юное и свѣжее, что было ей подчинено, невидимо впитывался въ мою кровь.

Прежде всего сухой, безжизненный формализмъ убилъ во мнѣ непосредственную поэзію религіознаго чувства,— и для меня сдѣлалось безсмысленнымъ бременемъ то, къ чему прежде я относился такъ легко и свободно. Во-вторыхъ, съ первыхъ же шаговъ, та любознательность, которая поддерживалась во мнѣ чтеніемъ съ отцомъ и дядями «Живописнаго Обозрѣнія» и другихъ подобныхъ книгъ, была сразу убита и запугана совершенно безсмысленными пріемами, съ которыми велось преподаваніе съ самыхъ младшихъ классовъ. Совершенно непостижимыя для дѣтскаго ума математическія и грамматическія формулы и опредѣленія, не объясняемыя и не освѣщаемыя ни единымъ живымъ человѣческимъ словомъ, ложились на мой умъ тяжелымъ свинцомъ и уже ко второму классу сдѣлались для меня почти невыносимыми и противными. Было достойно удивленія, какимъ образомъ нѣкоторые изъ учителей этихъ предметовъ, люди добрые, мягкіе и хорошіе, могли такъ безсмысленно преподавать свой предметъ и мучить насъ, подвергая многихъ жестокимъ наказаніямъ. Я, конечно, ничѣмъ не могъ разрѣшить это противорѣчіе въ то время, но разрѣшить эту дилемму практически, какъ всегда и вездѣ бывало и бываетъ въ этихъ случаяхъ, помогло товарищество, уже выработавшее опытнымъ путемъ цѣлую собственную систему въ противовѣсъ педагогической. И это была, конечно, прежде всего система лжи,

изворотливости, недовѣрія и вражды ко всему, что соединялось съ представленіемъ о наукѣ и воспитаніи, и меня медленно и незамѣтно охватывала эта атмосфера и все глубже и глубже захватывала въ себя, чѣмъ ближе я знакомился съ товарищами тогдашней школы. Едва я перешелъ во второй классъ, какъ уже почувствовалъ, что начальническая система сразу заняла непріятельскую позицію относительно своихъ воспитанниковъ. Можетъ быть, именно потому, что сами добродушные педагоги по собственному опыту знали, что съ этихъ поръ начинаетъ уже открывать свои враждебныя дѣйствія противу ихъ науки другая непріятельская сторона. «Великіе» принципы педагогіи требовали, конечно, неукоснительнаго истребленія этого зла. И вотъ почти уже съ 10-ти лѣтъ я вижу себя въ храмѣ науки, между двумя воюющими сторонами, не останавливающимися ни предъ какими средствами ко взаимному уязвленію другъ друга.

Я особенно хорошо помню одно обстоятельство, которое самымъ грубымъ и жестокимъ образомъ сразу ввело меня въ міръ такихъ отношеній, о которыхъ я раньше не имѣлъ никакого представленія. Учителемъ нѣмецкаго языка былъ у насъ одинъ благодушный, но довольно грубый нѣмецъ, приходившій въ классъ вѣчно подвыпившимъ, съ красной, лоснящейся физіономіей, съ умильными, влажными глазками. Когда онъ былъ особенно, что называется. «ударившій», его появленіе въ классѣ всегда сопровождалось шумной сенсаціей. Наиболѣе проницательные школяры, уже впередъ опредѣлявшіе, въ какомъ состояніи былъ нѣмецъ, заранѣе подготовляли какую-нибудь каверзную штуку: или подламывали у стула ножку, или втыкали въ сидѣнье булавки и иголки, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Едва только въ дверяхъ появлялось широкое, расплывающееся лицо нѣмца, какъ въ классѣ поднимался невообразимый шумъ, все гоготало, свистало, кричало нѣмцу какія-то двусмысленныя шутки и «ура!», а онъ долго и безсмысленно улыбался, прежде чѣмъ успѣвалъ

придти въ себя. Наконецъ его торжественно вели подъ руки къ каоедрѣ, сажали на кресло и быстро всѣ удалялись къ партамъ. Дальнѣйшій эффектъ не заставлялъ долго ждать,—нѣмецъ или вскакивалъ, какъ ужаленный, или же летѣлъ со стула. Тогда почтенный педагогъ сразу свирѣпѣлъ и, смотря по настроенію, или бѣжалъ жаловаться директору, или же начиналъ ругаться самымъ злобнымъ языкомъ, драться линейками и книгами по головамъ и безпощадно ставить единицы тѣмъ, кого онъ особенно недолюбливалъ.

Я почему-то тоже не пользовался его расположеніемъ, и онъ часто за одну-двѣ ошибки гналъ меня отъ стола и, не спрашивая и не принимая никакихъ оправданій, ставилъ единицу или двойку. Такъ же онъ дѣлалъ и съ нѣкоторыми другими моими товарищами, между тѣмъ, какъ нѣкоторые пользовались съ его стороны совершенно непонятнымъ для насъ снисхожденіемъ. Впослѣдствіи этотъ секретъ разъяснился для насъ довольно легко. Благодушно-пьяный нѣмецъ, какъ ни былъ глуповатъ, однако хорошо усвоилъ систему благовидныхъ доходовъ. Подъ видомъ вечернихъ репетицій и уроковъ на дому, на которыхъ никто никогда ничему не выучивался, онъ получалъ съ родителей неуспѣвающихъ учениковъ довольно обильную дань. Мой отецъ не могъ или не хотѣлъ долго понять эту систему, и потому и былъ я, повидимому, записанъ нѣмцемъ въ число безнадежныхъ по усвоенію его науки. Кстати сказать, преподавалъ онъ самымъ варварскимъ образомъ, заставляя зубрить безсмысленно цѣликомъ страницы ни къ чему ненужныхъ стиховъ или грамматическихъ правилъ, безъ всякихъ объясненій. Я за свое время не помню ни одного ученика изъ гимназіи, который хотя бы что-нибудь усвоилъ по этому предмету, если самъ не былъ нѣмецъ или не учился въ семьѣ у гувернера нѣмца.

Какъ и слѣдовало ожидать, послѣ такихъ потѣхъ надъ нѣмцемъ (въ которыхъ, кстати сказать, я не принималъ

никакого участія, такъ какъ былъ вообще робкій, застѣнчивый и совершенно неумѣлый въ этого рода проказахъ мальчуганъ) онъ безпощадно ставилъ «колы», какъ выводной баллъ за цѣлую недѣлю, преимущественно намъ, не пользовавшимся его расположеніемъ. Я уже зналъ въ то время отчасти, какіе результаты должны послѣдовать за такія недѣльныя отмѣтки, зналъ какъ-то болѣе отвлеченно, чѣмъ конкретно, но пришло время познакомиться съ этимъ вплотную.

Наступила одна изъ «страшныхъ субботъ»; среди воспитанниковъ, главнымъ образомъ старшихъ классовъ, начинались тихіе, сосредоточенные переговоры насчетъ «спальни» (при нашей гимназіи былъ дворянскій пансіонъ), высчитывали путемъ разныхъ кабалистическихъ соображеній, кого нынче повлекутъ въ эту пресловутую спальню, и всѣ съ особымъ нервнымъ напряженіемъ, — кто помоложе — со страхомъ и замираніемъ сердца, кто постарше—большею частью съ цинпческимъ притворнымъ ухарствомъ,—ожидали появленія изъ совѣтской комнаты страшнаго Аргуса нашей гимназіи, звѣрообразнаго и почти неподкупнаго бурсака, старшаго надзирателя, съ недѣльной вѣдомостью въ рукахъ. Съ этою вѣдомостью медленно и торжественно обходилъ онъ классы, начиная со старшаго, и низкимъ, замогильнымъ, деревяннымъ голосомъ выкликалъ свои несчастныя жертвы, пріотворивъ дверь класса, несмотря на присутствіе учителя въ классѣ, и безъ спроса прерывая урокъ. Отмѣченные одинъ за другимъ выходили изъ классовъ, смущенные, съ краской стыда на лицѣ, съ трепещущимъ сердцемъ и съ чувствомъ какого-то тайнаго, мало сознаваемаго омерзѣнія въ глубинѣ души, иногда сопровождаемые снисходительно-ядовитыми улыбками нѣкоторыхъ учителей. Наконецъ, около младшихъ классовъ Аргусъ также спокойно, равнодушно и методично устанавливалъ отмѣченныхъ въ шеренгу и маршемъ по длинному коридору направлялъ ее въ знаменитую спальню. Пока еще оставалось пройти до спальни это простран-

ство, нѣкоторые, особенно новички мальчуганы, въ сильномъ нервномъ волненіи, съ умоляющими взглядами, со слезами на глазахъ, дрожа, хватали надзирателя за рукавъ и напряженно шептали: «Иванъ Лукичъ, отпустите! Голубчикъ! Простите! Вычеркните хоть только теперь!.. Добрый! Голубчикъ!..» и нѣкоторые падали на колѣни. Но Аргусъ былъ холоденъ, какъ ледъ, и шеренга продолжала направляться къ цѣли.

Въ этой церемоніи пришлось принять участіе и мнѣ въ первый разъ въ моей жизни. Конечно, трудно представить теперь эти ощущенія, которыя испыталъ я во время появленія Аргуса и въ тотъ моментъ, когда онъ выкликалъ мое имя, но я все же и теперь ясно вспоминаю, что основнымъ ощущеніемъ, охватившимъ меня тогда, было чувство глубочайшаго стыда; передъ кѣмъ, передъ чѣмъ, за что,—я рѣшительно не зналъ. Но это чувство снѣдало меня до болѣзненности и во время всей этой процедуры и долго-долго послѣ.

Я вступилъ вмѣстѣ съ другими своими сверстниками въ общую шеренгу и замаршировалъ вмѣстѣ съ ними. Я помню, что я не просилъ и не молилъ ни о чемъ Аргуса, но мое лицо горѣло, и я вмѣстѣ съ чувствомъ стыда испытывалъ необъяснимый страхъ передъ чѣмъ-то мерзкимъ и страшнымъ, о чемъ я не имѣлъ никакого конкретнаго представленія. Въ семьѣ я не подвергался никакимъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Если, и то чрезвычайно рѣдко, меня хлопала раздраженная матушка маленькимъ прутомъ изъ вѣника, то конечно сопоставленіе этого прутика съ тѣмъ, что совершалось передо мною теперь, могло быть только очень комично. А самая инквизиторская церемонія? Развѣ она одна не была уже цѣлою трагедіей въ нашей дѣтской жизни?

Двери знаменитой спальни отворились настежь. Это была громадная, длинная комната съ тройнымъ рядомъ желѣзныхъ кроватей въ глубинѣ ея, съ большимъ круглымъ бассейномъ для умывальника на переднемъ планѣ,

Ир. 40.74

около котораго стояли теперь трое сторожей въ обычныхъ мундирахъ отставныхъ солдатъ, съ пучками розогъ въ рукахъ.

— Смотри, Захарченко тутъ,—сказалъ мнѣ шопотомъ одинъ мальчуганъ, толкая меня локтемъ и показывая на передняго солдата съ худымъ, обыкновенно добродушнымъ, но теперь сердито-серьезнымъ лицомъ. У меня какъ будто что-то отлегло отъ сердца, и лучъ какой-то совершенно неопредѣленной надежды мелькнулъ въ моемъ воспаленномъ мозгу. Захарченко былъ тотъ солдатъ, о которомъ среди учениковъ упорно держалось мнѣніе, что это былъ единственный изъ сѣкачей, который необыкновенно ловко умѣлъ проводить начальство, показывая видъ, что онъ съ звѣрскимъ усердіемъ сѣчетъ свою жертву, даже вызывая для всѣхъ очевидныя полосы и въ то же время не принося никакой существенной боли своимъ жертвамъ. Говорили, что онъ особенно былъ жалостливъ къ малышамъ.

Не успѣла еще наша шеренга выстроиться въ настоящемъ порядкѣ вдоль пустого пространства между солдатами съ кучею розогъ и умывальникомъ, какъ изъ глубины спальни появилась внушительная и характерная фигура нашего инспектора. Это былъ человѣкъ средняго роста, очень толстый, заплывшій жиромъ, съ большой головой, съ падавшими до плечъ волосами, съ крупными чертами лица, съ большимъ животомъ и съ короткими ногами. Ходилъ онъ въ очень широкомъ форменномъ свѣтло-синемъ сюртукѣ, въ широчайшихъ такихъ же штанахъ, съ неизмѣнной серебряной табакеркой въ рукѣ, изъ которой онъ постоянно таскалъ толстыми жирными пальцами табакъ къ такому же жирному носу, обильно усыпая свой животъ. Это былъ ученый классикъ, умный человѣкъ, какъ говорили о немъ у насъ въ городѣ, въ то время погруженный въ поэтическій переводъ поэмы «Магабгарата». Можетъ быть, благодаря именно этой поэтической настроенности на его лицѣ постоянно сіяло надмѣнно—невозмутимое выраженіе, съ печатью легкой думы на челѣ,

и какъ бы благоволенія ко всѣмъ. Величественно покачиваясь, онъ словно плылъ къ намъ, и на его лицѣ было выраженіе такого довольства, какъ будто ему предстояло чрезвычайно пріятное зрѣлище.

— Ну, «судари-котики»! (это его любимое выраженіе)—сказалъ онъ намъ, малышамъ, трепля насъ почти ласково толстыми табачными пальцами за щеки (эти пальцы мнѣ казались всегда необыкновенно противными).—Ну, сударикотики, боитесь? Новички? Ага, ага! Надо знать, сударикотики, все на свѣтѣ. Это ничего! это хорошо!.. Надо знать, судари-котики, все на свѣтѣ! Вотъ мы и начнемъ съ нашихъ молодцовъ-то, опытныхъ уже, а вы посмотрите... это хорошо вамъ для памяти... Амосовъ!—крикнулъ онъ.—Ну, сударь-котикъ, ложись!

И вотъ началось что-то дикое, безсмысленное, возмутительное. Амосовъ, великовозрастный дѣтина-пансіонеръ, брившій чуть не каждый день бороду, высокій и худой, съ развязными манерами, ухарски всѣмъ улыбнулся, быстро разстегнулъ курточку и какъ-то пластомъ шлепнулся на полъ вдоль шеренги.

— Начинай!—крикнулъ инспекторъ.

Розги свистнули съ двухъ сторонъ.

— Разъ, сударь-котикъ! два! три!—считалъ инспекторъ. Молодое тѣло начинало извиваться. Раздались выкрики. Послѣ ударовъ 20-ти Амосовъ уже кричалъ:

— Будетъ! Почему сверхъ счета?

— Какъ сверхъ счета? почему, сударь-котикъ, сверхъ счета? А вотъ, сударь-котикъ, мы теперь тебѣ погорячѣе...

И къ ужасу своему я увидалъ, какъ жирные пальцы инспектора опустились въ табакерку и, вытащивъ оттуда большую щепоть табаку, онъ сталъ посыпать имъ голое, открытое рубцами тѣло своей жертвы. Затѣмъ я уже рѣшительно не помню, какъ продолжалась дальнѣйшая процедура, вплоть до того, когда я услыхалъ свою фамилію. Дрожащій, съ растерянным взглядомъ, я весь за-

волновался и куда-то заторопился, какъ будто мнѣ хотѣлось скорѣе, какъ можно скорѣе совершить ужасное мерзостное дѣло. Я уже не думалъ въ это время ни объ инспекторѣ, ни о Захарченко. Быстро спустивъ штанишки, я легъ на холодный полъ... И черезъ нѣсколько минутъ вдругъ стремительно вскочилъ и бросился вонъ изъ спальни, спѣшно на ходу натягивая штанишки. Я слышалъ только, какъ вслѣдъ мнѣ раздавался громкій хохотъ инспектора, которому что-то доставило очень большое удовольствіе. Заразилъ ли и меня этотъ хохотъ, но я, выбѣжавъ въ коридоръ, тоже засмѣялся нервно, истерически, сквозь слезы, и въ то же время я почувствовалъ страшный стыдъ, когда мимо меня пропелъ какой-то солдатъ. Когда же я въ начавшуюся вскорѣ перемѣну встрѣтился со своими товарищами, я уже спокойно смѣялся и ухарски говорилъ: «Это пустяки все!»

— Развѣ ничего? — спрашивали меня малыши,—кто тебя сѣкъ?

— Захарченко!

— А!..

Но я скрылъ, что мнѣ дали всего три розги, что мнѣ дѣйствительно нисколько не было больно, что инспекторъ все это продѣлалъ надъ мною на первый разъ ради только острастки и что ему доставило необыкновенное удовольствіе насладиться однимъ лишь моимъ страхомъ и стыдомъ.

И съ этой минуты сколько отвратительныхъ впечатлѣній оставило слѣдъ на моей душѣ. осквернивъ ея дѣтскую непосредственность!.. Къ описанной сѣкаторской церемоніи я привлекался единственный, послѣдній и первый, разъ, и между тѣмъ я не могъ забыть всего этого позора всю свою жизнь. Для меня неяснымъ остается до сихъ поръ, почему я больше не подвергался экзекуціи, хотя вся прежняя педагогическая система продолжала еще процвѣтать въ полной силѣ по крайней мѣрѣ 3 или 4 года, а на самомъ мнѣ эта экзекуція не только

не отразилась въ формѣ какого-либо «исправленія» въ педагогическомъ смыслѣ, но, напротивъ, школярство все больше и больше захватывало меня, я все больше примыкалъ къ враждующей сторонѣ, все больше терялъ интересъ къ сухой и мертвой школьной наукѣ и учился все хуже. Единственнымъ моимъ стремленіемъ въ это время, какъ и громаднаго большинства моихъ товарищей, было изысканіе всевозможныхъ средствъ къ тому, чтобы формальнымъ образомъ отдѣлаться отъ своихъ школьныхъ обязанностей. Средства эти, какъ вѣроятно извѣстно всѣмъ учившимся въ подобныхъ заведеніяхъ, чрезвычайно разнообразны; на изобрѣтеніе ихъ тратится масса юныхъ духовныхъ силъ, а въ основѣ лежатъ ложь, обманъ и недовѣріе, и при этомъ почти никогда ни капли стыда, ни малѣйшихъ укоровъ совѣсти. Таковы всѣмъ извѣстные блестящіе результаты «системы», таковы они были для меня и, можетъ быть, въ большинствѣ случаевъ остаются для многихъ до сихъ поръ! Удивительно прочна и устойчива эта мудрая «система», и между тѣмъ въ созданіи ея и поддержаніи участвуютъ не какіе-нибудь дикари, а самые патентованные мудрецы государства.

Не могу здѣсь не привести одного, ничтожнаго самого по себѣ, факта, но, какъ мнѣ думается, характернаго въ психологическомъ смыслѣ. Въ первомъ же году поступленія моего въ гимназію къ намъ въ семью былъ взятъ маленькій нахлѣбникъ, мой ровесникъ и одноклассникъ, нѣкто П., анемичный, золотушный мальчикъ, изъ какой-то полуразорившейся помѣщичьей семьи, вялый и малоразвитой физически, но изворотливый и способный на разныя тайныя выдумки, въ которыя онъ меня и посвящалъ секретно. Пойдемъ ли мы въ городскіе ряды, онъ остановитъ меня передъ какой-нибудь соблазнительной игрушкой и, за неимѣніемъ средствъ пріобрѣсть ее, начнетъ развивать передо мною различные нелегальные способы къ ея пріобрѣтенію. Помню, однажды такою соблазнительною вещью явилась для меня деревянная пушка. Не

одинъ день уже мы присматривались къ ней и не мало способовъ придумывалъ П., чтобы ее пріобрѣсти. Почему-то въ данномъ случаѣ я не могъ разсчитывать, чтобы родители дали мнѣ денегъ на ея покупку, хотя они сами часто баловали меня и не скупились покупать мнѣ игрушки. Наконецъ П. посовѣтовалъ мнѣ утащить тихонько у отца изъ кармана деньги, конечно, мелкія, которыя онъ нерѣдко оставлялъ тамъ. П. очень обстоятельно изложилъ мнѣ весь процессъ похищенія и сокрытія всякихъ слѣдовъ, такъ что не оставалось сомнѣнія, что дѣло могло кончиться вполнѣ благополучно. Какъ теперь помню, что за жуткое чувство испытывалъ я вообще въ то время, пока П. развивалъ передо мною свой планъ. Нѣсколько разъ щеки мои вспыхивали заревомъ, на сердцѣ что-то щемило и я никакъ не рѣшался. Проходилъ день—опять тѣ же планы, тѣ же горькія ощущенія! Наконецъ, соблазнъ превозмогъ, я подошелъ къ жилеткѣ отца, запустилъ пальцы въ карманъ, но тотчасъ же вытащилъ ихъ какъ обожженные и убѣжалъ. И вотъ снова началась пытка. Наконецъ, я рѣшился окончательно: серебряныя монеты были взяты, и мы бросились съ П. въ лавку. Пушка была куплена, П. съ величайшимъ удовольствіемъ стрѣлялъ изъ нея, я любовался, но—увы!—все наслажденіе отъ покупки было для меня чѣмъ-то совершенно отравлено. Я уже говорилъ, что ни отецъ, ни мать меня никогда не наказывали, а между тѣмъ меня снѣдало такое жуткое чувство страха и стыда, что я помню о немъ до сихъ поръ. Откуда это напряженное чувство? Чѣмъ и кѣмъ оно было выращено въ моей маленькой душѣ? Я и теперь затрудняюсь дать на это опредѣленный отвѣтъ. Я хочу здѣсь указать только на ту почву, на которой мудрой «системѣ» предлагалось сѣять свои сѣмена. И вотъ не прошло двухъ лѣтъ, какъ эта мудрая «система» сумѣла эту дѣвственную почву если не извратить совсѣмъ, то надолго превратить въ пустырь, засѣянный всякимъ бурьяномъ.

Замѣчательно, что эта мудрая «система» проявлялась въ двухъ направленіяхъ: она не только истязала и увѣчила наши маленькія души, но она также увѣчила и самихъ мудрецовъ. Большинство изъ нихъ были такіе же благодушные отцы семействъ, какъ и наши, и въ то же время совершенно спокойно смотрѣли на то, что производилось ихъ же собственными руками, и чинили всяческія издѣвательства надъ маленькою личностью, хотя бы это были ихъ собственныя дѣти, нисколько не смущаясь тѣми результатами, какіе отъ этого получались. «Система» заглушала въ нихъ всякое непосредственное чувство, всякое мало-мальски критическое отношеніе къ тому, что дѣлалось вокругъ нихъ и что продѣлывали они сами. Поразительно, что даже самые юные изъ педагоговъ являлись къ намъ уже совершенно «готовыми», а мы встрѣчали ихъ, конечно, съ инстинктивной надеждой, что они принесутъ намъ что-нибудь новое, освѣжающее и очищающее. Я помню, какое ожиданіе возбудили въ насъ два молодыхъ педагога, учитель математики и учитель естественной исторіи. По тому серьезному виду, съ какимъ они къ намъ явились, по тѣмъ, какъ будто, новымъ, болѣе интереснымъ пріемамъ преподаванія они какъ будто дѣйствительно подавали на что-то надежды, а между тѣмъ въ скоромъ времени юный математикъ жестоко отодралъ за уши и за вихры перваго провинившагося изъ насъ, а натуралистъ выступилъ такъ угрожающе и сурово, какъ будто мы давно уже были самыми заядлыми его врагами: наставивъ безпощадно цѣлому полклассу единицъ, онъ со спокойною совѣстью смотрѣлъ, какъ послѣ эту толпу «единичниковъ» нашъ Аргусъ церемоніальнымъ маршемъ водилъ на экзекуцію.

И вотъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ необыкновенно страннаго явленія: едва только послѣ крымской войны повѣяло новымъ духомъ, едва только чуть-чуть начала разсѣиваться окружающая всѣхъ мгла, какъ вдругъ громадное большинство нашихъ благодушныхъ мудрецовъ

чудодѣйственно и даже какъ-то радостно измѣнилось. Вдругъ они какъ будто что-то поняли, какъ будто чего-то устыдились, или, лучше сказать, какъ будто сами вспомнили, что и у нихъ на душѣ когда-то хранилось что-то хорошее, возвышенное, что когда-то само протестовало противъ тѣхъ ужасовъ, орудіемъ которыхъ они явились впослѣдствіи. Конечно, чудеса эти были не ахти какія большія; конечно, не могли люди, застарѣвшіе въ своихъ привычкахъ, измѣниться сразу во всемъ, но тѣмъ не менѣе превращеніе было поразительное: экзекуціи исчезли почти радикально, и, повидимому, даже Аргусъ съ пѣвцомъ «Наль и Дамаянти» если и огорчились этимъ сначала, то скоро утѣшились тѣмъ, что еще осталось не мало другихъ способовъ, которыми можно при благопріятныхъ случаяхъ донимать маленькаго человѣчка. Что касается другихъ мудрецовъ, то даже старики вдругъ засуетились, какъ будто только теперь узнали, что наука, какъ и все, движется впередъ, что, кромѣ тѣхъ заскорузлыхъ книжекъ, которыя они учили когда-то, появились и появляются другія, болѣе свѣжія, живыя и интересныя,—и вотъ они принялись ихъ наскоро читать и даже съ какой-то наивною радостью снизошли до того, что стали дѣлиться этими открытіями и съ нами. Новый духъ освѣжительной струей повѣялъ и на насъ. Но это было еще впереди, а пока громадное большинство изъ насъ жило въ атмосферѣ удручающаго формализма.

III.

Антиморальное вліяніе бурсы.—Педагогъ парикмахерскаго типа.—Патріархальные и педагогически-сыщическіе типы.—Пугало „системы“.

Съ каждымъ годомъ своего пребыванія въ гимназіи я все больше начиналъ ощущать какую-то душевную раздвоенность, которая, казалось, росла все сильнѣе и сильнѣе. Я переживалъ какъ будто двѣ жизни, не похожихъ одна на другую: одну—дома, другую—въ гимназіи. Атмосфера, царившая въ нашемъ домѣ въ то время, какъ

я уже говорилъ, представляла собою характерную смѣсь религіозной поэзіи, соединенной со всяческими суевѣріями, благодушія и того житейскаго ритуала, который нѣсколько напоминалъ домостроевскій укладъ, лишенный, впрочемъ, формы грубаго насилія, хотя и очень требовательный въ смыслѣ формальнаго и чистаго ригоризма. Эта атмосфера какъ бы нѣкотораго старообрядческаго благолѣпія, проникнутая религіозно-поэтическою дымкой, съ одной стороны, и съ другой—тѣмъ романтически-юношескимъ колоритомъ, который придавали ей мои дяди, въ то время уже кончавшіе курсъ и серьезно задумавшіе готовиться къ поступленію въ университетъ, представлялась мнѣ хранительницей чего-то возвышеннаго, идеальнаго, гдѣ моя маленькая раздвоившаяся душа находила или нравственное успокоеніе, или мучилась терзаніями совѣсти за свои ребяческіе грѣхи и помыслы. Однимъ словомъ, насколько я помню, здѣсь именно чаще всего вспыхивало и находило откликъ все то младенчески-чистое, свѣтлое, что было въ моей натурѣ. Совершенную противоположность этой домашней атмосферѣ представляла для меня атмосфера тогдашней гимназіи. Не знаю почему—потому ли, что по происхожденію и по всѣмъ жизненнымъ привычкамъ я принадлежалъ и тяготѣлъ душою къ низшему разночинскому и деревенскому слою, или благодаря самому укладу тогдашней гимназической жизни, но только эта жизнь представлялась мнѣ всегда чѣмъ-то до того чуждымъ и далекимъ, что долго не находила почти никакого отклика въ моей интимной духовной жизни. А между тѣмъ вліяніе ея на меня въ первые четыре года въ отрицательномъ смыслѣ было очень велико и очень печально. Наука сдѣлалась для меня уже со второго класса какимъ-то страшилищемъ, въ родѣ отбыванія тяжкой повинности, а товарищество и общеніе съ однокашниками все болѣе и болѣе становилось для меня проводникомъ такихъ антиморальныхъ познаній, о которыхъ я раньше не имѣлъ да и не могъ имѣть ника-

кого, даже смутнаго представленія. Въ этомъ смыслѣ атмосфера тогдашней гимназіи, въ особенности ея пансіона, была довольно непривлекательна. Среди чуть ли не большинства великовозрастныхъ пансіонеровъ старшихъ классовъ царилъ скрытый развратъ и цинизмъ, скабрезные разговоры представляли самое излюбленное ихъ развлеченіе. Они собирали вокругъ себя цѣлую толпу мальцовъ и развращали ихъ младенческія души, если онѣ еще раньше не были развращены въ своихъ крѣпостныхъ дворняхъ. Среди нихъ практиковались всевозможные виды школярской разнузданности, отъ ребячески легкомысленныхъ до самыхъ грубыхъ и противоестественныхъ проступковъ. Часъ за часомъ, день за днемъ разлагающая язва этой атмосферы невидимо впивалась и въ мою душу, вызывала со дна ея темные, низменные, звѣрпные инстинкты, заставляя прислушиваться къ этой мерзости. И это въ то время, когда мнѣ было не болѣе 12—13 лѣтъ!

Достойно замѣчанія, что эта атмосфера находила косвенно скрытое сочувствіе даже со стороны нѣкоторыхъ педагоговъ. Такъ, были надзиратели, по секрету передававшіе ученикамъ о своихъ любовныхъ и иныхъ похожденіяхъ и вообще съ удовольствіемъ бесѣдовавшіе съ ними на эту тему; были и учителя въ такомъ же родѣ, какъ, напримѣръ, великолѣпный французъ парикмахерскаго типа, вывезенный какимъ-то барономъ изъ Парижа къ своимъ дѣтямъ, а затѣмъ за негодностью приспособленный къ нашей гимназіи въ образѣ заправскаго педагога; отчасти повиненъ былъ въ этомъ и вышеупомянутый нѣмецъ. Я помню, какъ раза два въ недѣлю мы сходились по вечерамъ въ квартиру къ французу въ количествѣ 10 и болѣе человѣкъ для практическихъ занятій по французскому языку. Предполагалось, что обученіе артелью каждому изъ насъ обойдется значительно дешевле; дѣйствительно, приходилось на каждаго не болѣе 50 коп. за вечеръ. Это были необыкновенно игривые вечера! Великолѣпный французъ, всегда одѣтый по послѣдней модѣ и пугавшій насъ

въ классахъ своими элегантно-изысканными манерами и видомъ суроваго ментора, у себя дома совсѣмъ преображался: онъ былъ такой игривый, веселый и забавный холостякъ, разсказчикъ разнообразныхъ фривольныхъ анекдотовъ, которые передавалъ намъ, для практики, на французскомъ языкѣ, а мы должны были по очереди пересказывать ихъ, какъ умѣли. Затѣмъ черезъ часъ этой веселой болтовни раскрывался ломберный столъ, и мы усаживались съ милымъ парижаниномъ за карты въ невинную игру «по маленькой», причемъ разговоръ также старались вести по-французски. Нерѣдко однако эта веселая игра вводила въ азартъ старшихъ учениковъ, и они засиживались у почтеннаго педагога, проигрывая уже «по большой» родительскія деньжонки. Несмотря на такую разностороннюю практику во французскомъ языкѣ, кажется, никто изъ насъ такъ-таки у этого француза языку и не выучился, но за то преуспѣвали, и очень успѣшно, въ познаніи кое-чего другого. У нѣмца тоже устраивались какіе-то вечера «для практики» тѣхъ воспитанниковъ, которые брали у него приватные уроки, но у него, какъ человѣка семейнаго, вечера эти носили болѣе невинный характеръ: на нихъ пили чай, играли, танцовали, и они не отличались такой цинической откровенностью, какъ у парижанина; однако и эти вечера не обошлись безъ очень печальнаго любовнаго инцидента.

Таковы были нѣкоторыя формы и результаты «внѣшкольныхъ занятій» съ нами педагоговъ. Но эти внѣшкольныя занятія были случайностью, такъ какъ въ программахъ мудрой «системы» таковыя были совсѣмъ непредусмотрѣны, или же, вѣрнѣе, предполагалось, что разъ система требовала, чтобы ученики обязательно вызубрили дома то, что имъ назначено было по программѣ педагогами въ классѣ, по классической формулѣ «отъ сихъ до сихъ», то это и должно было быть совершенно. Какъ это совершалось, «системѣ» не было до этого никакого дѣла. Всѣ до такой степени были увѣрены въ непогрѣ-

шимости и непререкаемости «системы», созданной какими-то невѣдомыми мудрецами тамъ «на верху» и скрѣпленной подписомъ «быть по сему», что ей безсознательно приписывалась чудодѣйственная сила: разъ дѣти учатся по «системѣ», одобренной свыше, то они обязательно должны выходить лучше, чѣмъ были раньше; если же выходили хуже, то въ этомъ виновата уже не «система», а злая воля и негодная натура ученика, «испорченная отъ рожденія»; такихъ система могла только или «карать», или же совсѣмъ «извергать» изъ сферы своего воздѣйствія. Такъ думали мудрые педагоги и вмѣстѣ съ ними громадное большинство родителей... Въ сущности «система» не преслѣдовала никакихъ воспитательныхъ цѣлей, понимая это въ научно-педагогическомъ смыслѣ, если не считать формализма школьной дисциплины, ограничивавшейся элементарнымъ требованіемъ соблюденія порядка, тишины въ классѣ и видимаго почтенія къ начальству. За дверями школьной дисциплины, какъ только мы оставляли зданіе гимназіи въ 3 часа, непосредственныя отношенія между нами и начальствомъ прекращались до утра будущаго дня, и мы, какъ маленькіе дикари, шумно расползались по городскимъ улицамъ, переполненные чувствомъ, хотя бы и относительной, свободы; дома насъ могли ожидать нѣкоторыя непріятности, въ родѣ предстоящей зубрежки уроковъ или ворчанія родителей, но все же мы, «вольноприходящіе» гимназисты, чувствовали себя несравненно счастливѣе пансіонеровъ, или злосчастныхъ бурсаковъ-семинаристовъ, которыхъ школьная дисциплина продолжала давить безъ перерыва цѣлый день. Трудно и представить, что было бы съ нами, если бы пресловутая «система» ввела въ свою программу и забрала бы въ свои руки и внѣшкольное воспитаніе! Къ счастію, въ то время она еще до этого не додумалась, ограничивъ свое воздѣйствіе исключительно школьной дисциплиной да неукоснительнымъ выполненіемъ учебной программы. И это было благо: хотя мы, въ большинствѣ почти безконтроль-

но (такъ какъ не существовало въ сущности и раціональнаго домашняго воспитанія), были предоставлены стихійному воздѣйствію разнообразныхъ перекрещивающихся вліяній и рисковали не разъ нарушить основы общественнаго порядка, но мы, по крайней мѣрѣ, могли въ предѣлахъ своей дѣтской природы развивать хоть сколько-нибудь свободно дарованныя намъ способности. И эта относительная свобода была существеннымъ противодіемъ воздѣйствію на насъ системы.

Другое противодіе коренилось въ самыхъ нѣдрахъ системы. Зависѣло оно отъ общаго патріархальнаго уклада вообще тогдашней жизни. Дѣло въ томъ, что «система» въ то время почти не имѣла среди своихъ адептовъ-педагоговъ, призванныхъ ее всячески укрѣплять и поддерживать, людей, преданныхъ ей «не токмо за страхъ, но и за совѣсть»; напротивъ, все это были только жалкіе рабы, тянувшіе почти безсознательно свою лямку именно «за страхъ» и нисколько не расположенные да и не умѣвшіе стать ея истинными стражами «за совѣсть». Вспоминая учителей нашей гимназіи за этотъ первый періодъ моихъ ученическихъ лѣтъ, я не могу большинство изъ нихъ представить иначе, какъ по существу добродушными, апатичными, вялыми, полуневѣжественными, которые преподавали столь же механически, безъ малѣйшаго увлеченія, по схоластическимъ шаблонамъ, предписаннымъ системой, какъ переписываетъ безучастно въ канцеляріяхъ бумаги любой чиновникъ. Они могли въ школѣ иногда горячиться, негодовать на маленькихъ шалуновъ и лѣнтяевъ, неустанно и полусознательно въ той или иной формѣ протестовавшихъ противъ дикой системы, пускать въ ходъ грубые воспитательные пріемы—драть за уши и за волосы, бить линейкой и книгами по головѣ, давать подзатыльники или прибѣгать къ помощи нашего оберъ-сѣкатора, но все это продѣлывалось исключительно въ видахъ поддержанія только формальной школьной дисциплины. Они, какъ и мы, какъ

только выходили послѣ уроковъ изъ дверей гимназіи и снимали казенный сюртукъ, перемѣнивъ его на традиціонный по тому времени халатъ, такъ тотчасъ же и превращались въ самыхъ обыкновеннѣйшихъ и мирнѣйшихъ, какъ и наши отцы, обывателей, которымъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла ни до какой педагогіи. Мы часто видали ихъ по вечерамъ и праздникамъ въ нашихъ семьяхъ благодушно выпивающими, смакующими кулебяки, играющими въ картишки и невыражающими ни малѣйшаго намѣренія вмѣшиваться въ интимную жизнь дѣтей или въ ихъ отношенія къ отцамъ и матерямъ; когда къ нимъ приставали по поводу какихъ-либо конфликтовъ между отцами и дѣтьми, они только энергично отмахивались. Однимъ словомъ, всѣ они были совершенно лишены той склонности и способности къ «педагогическому сыску», который такъ блестяще развился въ нашихъ школахъ спустя два десятилѣтія. Были представители этого іезуитски-сыщическаго типа и въ наше время, но скорѣе, какъ исключеніе. Таковъ, напримѣръ, былъ вышеупомянувшійся оберъ-сѣкаторъ и оберъ-сыщикъ старшій надзиратель. Грубый и жестоко-прямолинейный, онъ былъ истиннымъ и неукоснительнымъ адептомъ системы, не только жестоко каравшій насъ дѣтей физически, но и нравственно, грубо и беззастѣнчиво залѣзая грязными лапами въ дѣтскую душу и вывертывая ее до дна. Его боялись и ненавидѣли не только дѣти, но и родители наши и сами педагоги, которые однако иногда, въ силу своей рабской приниженности, обращались къ нему за педагогическимъ содѣйствіемъ, радуясь въ душѣ, что около нихъ имѣется человѣкъ, могущій исполнять грязныя обязанности, къ исполненію которыхъ они сами не чувствовали ни расположенія, ни умѣнія.

Къ этому же педагогически-сыщическому типу отчасти могъ быть причисленъ и знаменитый въ нашей ученической лѣтописи инспекторъ-поэтъ, но только отчасти: онъ былъ слишкомъ «гурмандъ» и эпикуреецъ и въ то же

время человѣкъ, не чуждый «высшей» образованности, чтобы соперничать по части сыска съ слишкомъ грубыми пріемами вышереченнаго дубинообразнаго вахтера педагогіи.

Главнымъ столпомъ «системы» въ нашей гимназіи, усвоившимъ до тонкости всю соль ея, долженъ былъ быть директоръ, въ то время единственный и безконтрольный руководитель всего рабскаго педагогическаго совѣта. Но на дѣлѣ нашъ директоръ былъ не столько столпомъ, сколько пугаломъ. По натурѣ добрый и даже гуманный человѣкъ, онъ, сдѣлавшись директоромъ, рѣшилъ, что для того, чтобы съ честью исполнять свою миссію, ему необходимо напустить на себя какъ можно больше строгости, запрятавъ елико возможно глубже подъ мундиръ все то мягкое и добродушное, что могло бы разсѣять очарованіе этой строгости. И онъ, бѣдный, старался надъ этимъ изо всѣхъ силъ! На его счастье природа надѣлила его на диво уродливо-устрашающей физіономіей, какъ будто именно съ цѣлью дать ему возможность выполнить съ достоинствомъ свою миссію—быть пугаломъ системы. Онъ былъ настоящій Квазимодо въ мундирѣ: кривой, съ громаднымъ безжизненно-сѣрымъ глазомъ, который ходилъ коловоротомъ въ минуты гнѣва, изъѣденный оспой, съ кривымъ, похожимъ на клювъ хищной старой птицы, носомъ, и въ то же время низенькій и худой, онъ производилъ на насъ, особенно маленькихъ гимназистовъ, необыкновенно импонирующее впечатлѣніе. Онъ намъ снился во снѣ какъ чудовищное олицетвореніе гимназической «системы», когда насъ душилъ кошмаръ, а на яву мы какъ-то инстинктивно избѣгали малѣйшей возможности попасться ему на глаза. Эта инстинктивная боязнь его преслѣдовала насъ вплоть до окончанія курса. А въ сущности онъ былъ только самое простое пугало, фактически всецѣло находившееся въ рукахъ оберъ-сыщика, старшаго надзирателя, и инспектора, которые напускали его на насъ въ цѣляхъ вящшаго и ничѣмъ несокрушимаго устрашенія. И

онъ устрашалъ, и былъ, повидимому, очень довол[ь]
это ему такъ легко удавалось, и глубоко увѣренъ [в]
что такимъ образомъ онъ высоко держитъ вручен[ное]
знамя системы на благо своихъ воспитанниковъ, не [по]
вая, какую жалкую роль онъ игралъ въ воспитат[ельном]
смыслѣ. Между тѣмъ, когда доходили непосре[дственно]
но до него просьбы о смягченіи участи кого-ли[бо из]
учениковъ отъ ихъ родителей или ихъ самихъ, о[б]
личной суровости нерѣдко бывалъ мягкосердеч[ен и]
мало дѣлалъ добраго. Но все это безслѣдно исче[зало]
нашемъ представленіи, какъ и самая личность его
общими результатами того вліянія и воздѣйствія,
имѣла для насъ система.

Я не буду останавливаться здѣсь на всѣхъ по
стяхъ, характеризующихъ «дореформенную» шк[олу],
которой я учился, такъ какъ это было бы совсѣмъ л[ишнимъ]
повтореніемъ того, о чемъ уже неоднократно и п[одробно]
писалось и изображалось въ различныхъ мемуара[хъ].
хотѣлось только указать на нѣкоторыя особенно т[ягостныя]
стороны нашей гимназіи, наиболѣе характерно, по [моему]
мнѣнію, отражавшія какъ общій духъ тогдашней обр[азо-]
вательной системы, такъ и то вліяніе, какое въ [этомъ]
татѣ оказала система на наши юныя души.

IV.

Противодіе „системѣ“.—Спортъ ребячьей улицы.—Зубрёж[ка]
канунѣ „изверженія“.—Педагогическое чудо.

Вспоминая первые четыре года своей школьной [жизни],
я прежде всего поражаюсь тѣмъ, что въ моемъ [представ-]
вленіи не сохранилось ни одного факта, въ [которомъ]
сказался бы хоть малѣйшій проблескъ духовнаго [един]
нія какъ со школой вообще, такъ и съ единич[ными]
представителями; въ моемъ воображеніи не рису[ется]
одной личности, съ которой соединялось бы пре[дставле-]
ніе о мягкой, сердечной близости, которая чѣм[-нибудь]

дорогимъ и незабвеннымъ затронула бы мою ребячью душу, хотя бы на іоту раздвинула мой духовный кругозоръ: все рисуется сѣро, блѣдно, холодно на туманномъ фонѣ какого-то вялаго и бездодержательнаго формализма. Вліяніе школы въ положительномъ смыслѣ было почти ничтожно. О вліяніи отрицательномъ я уже говорилъ раньше. Оно было бы громадно и безнадежно-бѣдственно по своимъ результатамъ (какъ это и сказалось на дальнѣйшей судьбѣ нѣкоторыхъ моихъ сверстниковъ), если бы жизнь стихійно не протестовала противъ дикой системы, вырабатывая тѣ противоядія, о которыхъ я упоминалъ, и которыя при многихъ своихъ отрицательныхъ качествахъ были для насъ благомъ. Этимъ благомъ была прежде всего та относительная свобода, которой мы пользовались за границей школьной дисциплины. Положимъ, это была свобода чисто стихійная, свобода ребячьей улицы, но зато она давала намъ возможность дышать полной грудью, жить всѣми фибрами своего юнаго быстро растущаго организма. Можно сказать, что мы сами за свой собственный рискъ производили грандіознѣйшій опытъ примѣненія разнообразныхъ формъ того «физическаго воспитанія», о которомъ такъ много пишутъ теперь различные школьные реформаторы. Я уже упоминалъ раньше, какъ мы, «вольноприходящіе» гимназисты, дѣти низшаго разночинства — мелкихъ и среднихъ чиновниковъ, купцовъ, ремесленниковъ, небогатыхъ дворянъ и духовенства,—когда послѣ уроковъ захлопывались за нами двери гимназіи, какъ быстро и съ какимъ восторгомъ разсыпались мы по улицамъ, стремительно несясь къ нашимъ обиталищамъ. Черезъ полчаса, черезъ часъ послѣ обѣда на ребячьей улицѣ уже кипитъ жизнь. Къ гимназистикамъ прибавляются семинары-училищники, и вотъ открывается безконечный рядъ всевозможныхъ физическихъ упражненій, разнообразящихся по сезону: городки, клюшки, бабки— осенью, катанье съ горъ, постройка и осада снѣговыхъ крѣпостей — зимой съ грандіозными битвами снѣжками

двухъ армій; а лѣтомъ—чего стоятъ общіе купанья, гулянья въ городскую рощу, величественные походы, марши и парады въ устраиваемыхъ за городомъ лагеряхъ, съ знаменами, значками, въ великолѣпныхъ бумажныхъ шлемахъ!.. И все это огромными шумными артелями, переносившимися на полной свободѣ съ мѣста на мѣсто, какъ стаи чирикающихъ воробьевъ и скворцовъ.

Конечно, дѣло не всегда обходилось безъ грѣха, и стихійная свобода нерѣдко заводила насъ въ довольно рискованныя предпріятія, вплоть до экспропріацій въ чужихъ огородахъ, садахъ и даже мелочныхъ лавочкахъ по части съѣдобнаго и лакомствъ, подъ предводительствомъ какого-нибудь опытнаго мальца изъ уличнаго «пролетаріата». Впрочемъ, такіе экспропріаторскіе подвиги въ большихъ размѣрахъ были все же рѣдкими исключеніями, совершаемыми подъ давленіемъ авторитета болѣе великовозрастныхъ уличныхъ героевъ, уже значительно искусившихся въ познаніи добра и зла. Въ общемъ же вся наша уличная жизнь носила характеръ вполнѣ невинныхъ упражненій юнаго тѣла и ума, среди которыхъ, наоборотъ, совсѣмъ выходили изъ головъ тѣ уродливыя вліянія, которыми насъ награждала система въ школьныхъ стѣнахъ.

Наше увлеченіе уличной свободой было такъ велико, что почти никакія усилія родителей не могли насъ загнать подъ домашній кровъ ранѣе наступленія темноты. И только тогда, запыхавшіеся, разгорѣвшіеся и взволнованные, мы, еще не остывшіе, нервно хватались за постылые учебники и, закрывъ уши, погружались въ мистическое дѣйство: жаднымъ взоромъ мы тщетно силились вникнуть въ смыслъ кабалистическихъ знаковъ, съ единственной цѣлью какъ можно скорѣе внѣдрить ихъ въ наши головы. «Что такое вѣра?» гудитъ себѣ подъ носъ маленькій школьникъ. «Вѣра есть увѣренность въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ, въ желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ»... Вѣра есть увѣренность... Господи! Что же

это такое? Ну, да все равно не поймешь!.. Вѣра есть увѣренность въ настоящемъ, какъ бы... въ невидимомъ...», гудитъ опять мальчикъ, закрывая глаза... А вотъ дальше еще: «Вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе... вещей обличеніе невидимыхъ»... Волосы мальчика встаютъ дыбомъ, глаза начинаютъ безумно блуждать, въ сердце медленно вливается отчаяніе... и мальчикъ опять гудитъ безнадежно. Въ сосѣдней комнатѣ начинаетъ прислушиваться къ отчаянному гудѣнію отецъ и, отрываясь отъ дѣла, идетъ къ сыну.—Ну, что же, все еще не выучилъ?—спрашиваетъ онъ. «Нѣтъ, папаша, выучилъ... Попробуйте спросите»...

— Ну, говори.—«Вѣра есть увѣренность... увѣренность... какъ бы обличеніе... увѣренность уповаемыхъ...», тараторитъ мальчикъ и внезапно спрашиваетъ: «Папаша, что значитъ «уповаемыхъ увѣренность»? — Ахъ, Боже мой!—вмѣсто отвѣта вздыхаетъ отецъ:—вѣдь ты ничего не понимаешь... Когда же ты выучишь? Вотъ прогулялъ, прошатался... А я что могу сдѣлать?.. Вѣдь придетъ же въ голову писать такимъ языкомъ для дѣтей!.. Вѣдь я самъ это едва уразумѣлъ только въ богословскомъ классѣ... Развѣ тебѣ можно понять это?.. Это — текстъ... Надо зубрить... Зубри!—И отецъ, сердито двинувъ къ сыну учебникъ, раздраженно уходитъ къ своему дѣлу... Мальчикъ, уже съ полной безнадежностью, опять закрываетъ уши и начинаетъ гудѣть, косясь на лежащую рядомъ стопку другихъ учебниковъ, все такихъ же доисторическихъ ископаемыхъ педагогической схоластики: ариѳметика — Магницкаго, исторія — купца Зуева, географія—Ободовскаго... При одномъ воспоминаніи объ этихъ неудобоваримыхъ мастодонтахъ беретъ ужасъ!.. Проходитъ часъ, другой, слипаются глаза, маленькій организмъ требуетъ покоя, а мальчикъ все гудитъ...

— Ну, что?—опять спрашиваетъ отецъ.

— Ничего, папаша, я успѣю, я завтра повторю въ перемѣну,—лепечетъ мальчикъ.

— Вотъ пробѣгалъ по улицѣ... Все шалопайничаешь...

А теперь уже 11 часовъ... Ступай спи!.. Этакіе идіоты!— ворчитъ отецъ уже себѣ подъ носъ.—Ничего толкомъ ребенку не растолкуютъ... Одна зубрежка...

— Вѣдь и ему надо когда-нибудь погулять,—вставляетъ мать, гладя уставшую головку сына и провожая его въ спальню...

Мальчикъ засыпалъ скоро, но сонъ его былъ тревоженъ: то неудобоваримыя тирады изъ учебниковъ продолжали дразнить его мозгъ, перепутываясь длинной вереницей, то коловоротомъ вертѣлся передъ нимъ страшноогромный неморгающій глазъ директора, то угрожающе жужжалъ надъ ухомъ шипящій басъ гимназическаго Аргуса. И только, когда все это смѣнялъ оживленный шумъ ребячьей улицы, въ сіяніи весенняго солнца или въ искристой бодрящей атмосферѣ морознаго дня, мальчикъ засыпалъ крѣпко и спокойно.

Третій классъ былъ для меня какимъ-то роковымъ: я въ немъ просидѣлъ три года, почти потерявъ надежду перебраться въ слѣдующій. Съ каждымъ годомъ пребыванія въ немъ мое отчужденіе отъ гимназіи росло, казалось, прогрессивно; я потерялъ всякій интересъ не только къ школьной «учебѣ», но и ко всему, что напоминало науку или вообще книгу, какая бы она ни была. У меня выработалось въ эти годы пребыванія въ гимназіи какое-то пренебреженіе ко всякому чтенію. Раньше, еще до поступленія въ гимназію, я любилъ слушать чтеніе, очень увлекался «Живописнымъ Обозрѣніемъ», которое имѣлось у насъ за нѣсколько лѣтъ; послѣ, въ первомъ классѣ, я уже самостоятельно читалъ его, читалъ разсказы изъ священной исторіи въ доступномъ изложеніи, съ интересомъ разсматривалъ приложенныя къ нимъ, только что появившіяся въ то время олеографіи.

Но затѣмъ, чѣмъ больше я начиналъ питать отвращеніе къ схоластическимъ учебникамъ, тѣмъ все болѣе и болѣе падалъ у меня интересъ и къ внѣшкольному чтенію, да и некому было поддержать его. Въ гимназіи по-

сторонніе книги были въ чрезвычайно рѣдкомъ обращеніи; несмотря на то, что въ ней существовала довольно большая такъ называемая «фундаментальная библіотека», послѣдняя была недоступнымъ святилищемъ не только для малышей, но и для старшихъ воспитанниковъ, изрѣдка обслуживая лишь наставниковъ, которые иногда приносили въ классы объемистые томы въ кожаныхъ переплетахъ, поражавшіе насъ своею архаичностью и больше пугавшіе, чѣмъ привлекавшіе къ чтенію; книгъ же спеціально для дѣтскаго и юношескаго возраста въ гимназіи и въ поминѣ не было; на сторонѣ брать ихъ было тоже не у кого, такъ какъ чтеніе въ моемъ родномъ городѣ въ то время обрѣталось въ полнѣйшемъ, повидимому, пренебреженіи: въ немъ не существовало ни одной,—ни частной, ни общественной—библіотеки для общаго пользованія.

Конечно, живой интересъ къ чтенію могли бы возбудить во мнѣ отецъ и дяди, довольно усердно интересовавшіеся сами литературой, насколько это было возможно въ нашей провинціи. Но въ описываемый мною періодъ и отецъ и оба дяди до такой степени были поглощены заботами, чрезвычайно для нихъ важными, что наше семейное воспитаніе какъ-то совсѣмъ ускользнуло отъ ихъ вниманія; они удовлетворились тѣмъ, что я былъ въ гимназіи, а для домашнихъ занятій со мной, сестрами и другимъ братомъ изрѣдка нанимали репетиторовъ изъ семинаристовъ и великовозрастныхъ гимназистовъ, достаточно свѣдущихъ, чтобы преподавать «начатки»—и только, но въ то же время иногда довольно неприглядныхъ въ нравственномъ смыслѣ.

Незамѣтно для себя, все болѣе и болѣе теряя всякую духовную связь съ гимназіей, прикованный къ ней лишь формально, я, покорный возрасту, искалъ соотвѣтствующей своей природѣ живой жизни и движенія и невольно всецѣло отдался спорту ребячьей улицы, тѣмъ болѣе, что интересы, которые въ это время начали поглощать все

вниманіе старшихъ членовъ семьи, пока только вскользь и мимоходомъ касались моей души и въ общемъ стояли выше моего разумѣнія. Такимъ образомъ, я окончательно эмансипировался отъ всякаго почти посторонняго духовнаго руководительства, за исключеніемъ обычныхъ семейныхъ отношеній, и духовно и тѣлесно развивался исключительно за свой собственный рискъ. И только, когда я, оставленный въ классѣ на третій годъ («для усовершенствованія», какъ думалъ отецъ, такъ какъ предполагалось, что мои неуспѣхи главнымъ образомъ зависѣли отъ слишкомъ ранняго поступленія въ гимназію), не только въ успѣхахъ не совершенствовался, а все больше терялъ интересъ къ наукѣ, отецъ заволновался: у него какъ будто сразу открылись глаза и ему до очевидности стало ясно, что «система» сама по себѣ никакой чудодѣйственной силой не обладала и что, доведя меня до пропасти, она могла только, умывъ руки, «извергнуть» меня, какъ «неспособнаго по природѣ» усвоить преподаваемую ею мудрость.

Надо было принимать какія-нибудь экстренныя мѣры. На первый разъ онъ рѣшилъ усиленно приняться за мою внѣшкольную подготовку, прежде всего изъ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ я казался наиболѣе слабымъ: въ языкахъ и математикѣ. Для упражненія въ нѣмецкомъ языкѣ я долженъ былъ по вечерамъ ходить къ нашему учителю-нѣмцу; хотя толку изъ этого выходило мало, но зато онъ сталъ нѣсколько снисходительнѣе ко мнѣ; для практики во французскомъ былъ приглашенъ на уроки ко мнѣ и къ младшему брату извѣстный всему городу добродушнѣйшій старикъ-французъ, m-r Тьеръ, въ двѣнадцатомъ году взятый въ плѣнъ изъ наполеоновской арміи, куда онъ былъ, еще юнцомъ почти, прикомандированъ въ качествѣ барабанщика, и съ тѣхъ поръ скитавшійся по барскимъ домамъ въ званіи гувернера, пока не попалъ въ нашъ городъ, гдѣ за преклонностью лѣтъ сталъ пропитываться дешевыми частными уроками.

Относительно занятій съ m-r Тьеромъ, который благодаря своему добродушію скоро сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ нашего дома и котораго всѣ мы полюбили за его простоту и незлобивость, нужно однако, по справедливости, сказать, что его занятія, благодаря его почти полному педагогическому невѣжеству, принесли мнѣ сравнительно далеко не столько пользы, сколько можно было ожидать отъ уроковъ у «настоящаго» француза; онъ далъ мнѣ только возможность кое-какъ справляться съ приготовленіемъ къ гимназическимъ урокамъ.

Упомяну здѣсь кстати о заключительной карьерѣ этого добродушнаго барабанщика великой арміи и бывшаго гувернера у разныхъ графовъ и князей. Когда я, уже будучи студентомъ, пріѣхалъ однажды на каникулы домой, я, къ изумленію, встрѣтилъ его на желѣзнодорожномъ вокзалѣ въ качествѣ ламповщика, завѣдывавшаго освѣщеніемъ вокзала, получавшаго ничтожное вознагражденіе и жившаго въ маленькой комнатушкѣ вмѣстѣ съ своей сожительницей, старой кухаркой, куда онъ добродушно попрежнему и пригласилъ меня, устроивъ себѣ выпивку на радости, что его ученикъ достигъ уже такого важнаго положенія. Въ этой должности онъ и умеръ въ глубокой старости.

Теперь о математикѣ. Это былъ старый пріятель отца еще по семинаріи, гдѣ онъ теперь былъ субъинспекторомъ и преподавателемъ математики и еврейскаго языка. Дикій, необузданный, деспотическій и крайне вспыльчивый бурсакъ, С. былъ истиннымъ страшилищемъ для мѣстныхъ семинаровъ, которые бѣгали отъ него, при первой возможности, какъ отъ чумы, а онъ гонялся за ними съ остервенѣніемъ по улицамъ, буквально какъ гончая собака; но въ то же время онъ пользовался большой извѣстностью, какъ серьезный знатокъ своихъ научныхъ спеціальностей; о томъ, что онъ составляетъ обширный древне-еврейскій словарь, зналъ весь городъ.

На этомъ эпизодѣ я остановлюсь нѣсколько подробнѣе, такъ какъ онъ представляется мнѣ довольно характернымъ вообще и игралъ значительную роль въ моемъ духовномъ ростѣ.

Когда отецъ объявилъ мнѣ о своемъ рѣшеніи и о согласіи С. давать мнѣ у него на дому ежедневно уроки, я вначалѣ сильно струсилъ. Онъ жилъ по сосѣдству съ нами, я зналъ близко его дѣтей, и по разсказамъ какъ ихъ, такъ и сверстниковъ-семинаристовъ я хорошо зналъ его бѣшеный характеръ, какъ онъ въ минуты гнѣва ругался площадными словами и въ классахъ, и у себя въ семьѣ, раздавая оплеухи и подзатыльники. Страхъ мой передъ нимъ былъ понятенъ, но меня успокоивало то, что отецъ былъ съ нимъ все же довольно близко знакомъ, хотя они не ходили другъ къ другу. И вотъ съ перваго же урока у него начало совершаться на моихъ глазахъ нѣкоторое педагогическое чудо.

Принялъ онъ меня хотя и съ обычною суровостью, но «по-семейному», и, нисколько не интересуясь, знаю ли я что-нибудь по его предмету и какъ, онъ безъ всякихъ предисловій приступилъ къ ознакомленію меня съ самыми элементарными основами математики, какъ будто я никогда не учился въ гимназіи и не сидѣлъ въ ней уже четыре года. Протестовать я, конечно, не рѣшался. Онъ прямо началъ объяснять мнѣ совершенно просто, «по-человѣчески», именно по-человѣчески, нумерацію и затѣмъ шагъ за шагомъ всѣ тѣ необыкновенно просто и логически вытекающія одно изъ другого дѣйствія, которыя мнѣ казались раньше чуть не кабалистикой... Урокъ, другой, третій, и я каждый разъ сталъ уходить отъ него какъ будто все болѣе и болѣе духовно окрыленнымъ. Прошло два мѣсяца, и я уже былъ осіянъ настоящимъ откровеніемъ. Господи! да неужели же я не идіотъ, не тупица, какъ уже начинали говорить обо мнѣ мудрые гимназическіе педагоги?.. С. былъ, повидимому, мною тоже

доволенъ, но онъ не показывалъ и виду, онъ даже не интересовался тѣмъ, за что и почему я получалъ въ гимназіи двойки и единицы; у него я уже свободно рѣшалъ довольно сложныя задачи по ариѳметикѣ и геометріи... По прошествіи двухъ мѣсяцевъ С. сказалъ отцу лаконично: «Будетъ, довольно... Больше сыну ко мнѣ ходить не зачѣмъ пока... Пусть готовится къ экзамену». И я сталъ готовиться къ экзамену, пользуясь нѣкоторой помощью отца, который урывалъ свободное отъ занятій время, чтобы «по-человѣчески» тоже помочь мнѣ по нѣкоторымъ предметамъ, хотя мало-мальски разобраться въ педагогической кабалистикѣ. Я кое-какъ выдержалъ, наконецъ, экзаменъ, получивъ по математикѣ «удовлетворительно» къ изумленію нашего педагога, не рѣшавшагося мнѣ еще поставить лучшій баллъ. (Замѣчательно, что съ тѣхъ поръ я уже не получалъ ниже 4 по всѣмъ отдѣламъ математики, а на выпускномъ экзаменѣ имѣлъ полныя пятерки.)

Наконецъ, я перевалилъ черезъ роковой для меня рубиконъ 3-го класса... Но главное дѣло было не въ этомъ: суть была въ томъ полусознаваемомъ «духовномъ окрыленіи», которое я начиналъ чувствовать все сильнѣе и сильнѣе... И все это совершалось благодаря тому, что заключается въ небольшомъ словѣ «по-человѣчески». И толчокъ этому далъ тотъ же дикій бурсакъ, который, какъ и всѣ, былъ самъ рабомъ системы въ своемъ учебномъ заведеніи, гдѣ такъ же дико и нелѣпо ставилъ двойки и единицы, за которыя сѣкли, и гдѣ громадное большинство его учениковъ училось такъ же плохо, какъ и у насъ въ гимназіи. Но стопло этому бурсаку, обладавшему недюжиннымъ природнымъ умомъ, хотя случайно, на самое короткое время отрѣшиться отъ рабства системы и взглянуть на дѣло по-человѣчески, и онъ могъ творить чудеса.

Послѣ совершившагося со мною педагогическаго чуда

и съ переходомъ моимъ въ 4-й классъ, закончился, такъ сказать, «дореформенный періодъ» моихъ дѣтскихъ и школьныхъ лѣтъ. Но прежде чѣмъ перейти къ новому «освободительному періоду», я долженъ коснуться нѣкоторыхъ интимныхъ сторонъ нашей семейной жизни, игравшихъ исключительную роль въ моемъ развитіи.

V.

Первые вѣстники духовнаго окрыленія.—Наша молодежь въ началѣ освободительнаго движенія.—Дядя Александръ.—Въ вишневомъ саду у дѣда и на лонѣ крѣпостной деревни.

Годъ моего «перваго», такъ сказать, «духовнаго окрыленія» съ переходомъ въ 4 классъ совпалъ съ особеннымъ оживленіемъ въ жизни нашей семьи. Въ началѣ лѣта этого года вишневый садъ моего дѣда вдругъ въ моихъ глазахъ пріобрѣлъ особое значеніе; никогда еще раньше не собиралось въ немъ сразу такое шумное, оживленное и интересное для меня общество молодежи, какъ въ этотъ годъ; пріѣхали на каникулы не только мои дяди, но и многіе изъ ихъ товарищей по семинаріи,— и неожиданно явились въ моихъ глазахъ поистинѣ «преображенными». Увлеченный, съ одной стороны, спортомъ ребячьей улицы, съ другой — зубрежкой и иколярской борьбой съ гимназической системой, я какъ-то совсѣмъ пропустилъ мимо глазъ все то, что совершалось въ жизни моихъ дядей: какъ они покончили богословскіе классы, какъ долго рѣшали и обсуждали коренной вопросъ своей молодой жизни—измѣнить профессіи своего рода, вынаться въ «свѣтское» званіе, навсегда порвавъ съ «духовнымъ вѣдомствомъ», и, наконецъ, поступить въ студенты, въ университетъ, поѣхать въ Москву, въ Петербургъ... Эти важные вопросы, конечно, не разъ горячо и всесторонне обсуждались какъ у насъ въ домѣ, такъ и въ семьяхъ обоихъ дѣдовъ,—но все это прошло мимо меня какъ въ туманѣ. Въ моей памяти какъ-то удер-

жалась только одна характерная подробность — какъ жившій у насъ сумрачный дядя Сергѣй готовился къ требовавшемуся для поступленія въ университетъ экзамену по французскому языку: онъ въ теченіе мѣсяца буквально *вызубрилъ* отъ A до Z весь довольно объемистый лексиконъ, который былъ приложенъ къ хрестоматіи Марго. Этотъ великій подвигъ изумилъ не только меня, но и всѣхъ окружающихъ. Мой старшій дядя, Александръ (по отцу), уже давно покончилъ семинарію и поступилъ студентомъ въ Петербургъ, въ Педагогическій институтъ, и пріѣзжалъ только на каникулы, а дядя Сергѣй всего только годъ тому назадъ сдѣлался студентомъ-медикомъ въ Москвѣ. Многіе изъ ихъ одноклассниковъ по семинаріи, жившіе у насъ въ домѣ нахлѣбниками или бывшіе даже моими репетиторами, тоже подѣлались студентами. (Такая тогда уже вдругъ началась «тяга».) Я, конечно, все это зналъ, но зналъ какъ-то внѣшне, безучастно, — и только теперь вдругъ все это начало принимать для меня особый смыслъ, освѣтилось особымъ значеніемъ. Ни этотъ смыслъ, ни это значеніе я не могъ бы еще точно формулировать, но я почувствовалъ, что они, вся эта студенческая молодежь, живутъ уже какой-то иной жизнью и иными интересами, чѣмъ жило все кругомъ меня и чѣмъ они жили раньше сами. Любопытно, что первое, что возбудило во мнѣ неожиданно для меня самого какой-то особый интересъ къ тому, что преображало окружающую меня жизнь, — былъ забавный на первый взглядъ фактъ—появленіе у насъ въ домѣ дяди Александра въ бѣлой накрахмаленной блузѣ, подпоясанной кожанымъ ремнемъ, вмѣсто обычнаго студенческаго вицмундира, и—что еще было неожиданнѣе,—дядя въ этомъ костюмѣ сталъ появляться всюду—и на бульварѣ, и во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ, къ изумленію нашихъ провинціальныхъ обывателей! Прошло еще не мало времени, прежде чѣмъ я уразумѣлъ, что эта невиданная въ нашихъ мѣстахъ и рѣзавшая всѣмъ

глаза своею яркою бѣлизной и необычностью блуза была не простымъ франтовствомъ дяди, а имѣла нѣкоторый таинственный символическій смыслъ. Открылся онъ для меня въ одинъ изъ знаменательныхъ вечеровъ, который особенно ярко запечатлѣлся въ моей памяти. Почему-то къ этому вечеру особенно готовились (можетъ быть, по случаю пріѣзда «столичной» молодежи). Матушка одѣла свое праздничное платье, наши маленькія столовая, зальца и гостиная, обыкновенно обрѣтавшіяся въ большомъ безпорядкѣ, благодаря намъ, дѣтямъ, приняли тоже праздничный видъ: были постланы вездѣ новыя салфетки и поставлены на столы по парѣ «калетовскихъ» (стеариновыхъ) свѣчей въ большихъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ,— что считалось тогда еще большою роскошью. Батюшка сегодня, кажется, совсѣмъ не снималъ сюртука. Все это возбудило во мнѣ такой интересъ, передъ которымъ окончательно стушевались всѣ прелести уличнаго спорта, и я предпочелъ остаться дома. Къ вечернему чаю стала собираться пріѣзжая студенческая молодежь — сначала товарищи дяди Сергѣя, остановившагося пока у насъ, затѣмъ явился очень оживленный блондинъ въ черномъ сюртукѣ, въ лѣтахъ моего отца, нѣкто Николай Яковлевичъ Д.; я зналъ, что онъ преподавалъ въ семинаріи французскій языкъ и сельское хозяйство и считался «очень образованнымъ» человѣкомъ, такъ какъ кончилъ курсъ не въ знакомой болѣе или менѣе всѣмъ какой-нибудь духовной академіи, а въ Горыгорецкомъ агрономическомъ институтѣ (не всѣ были въ силахъ даже и выговорить правильно такое названіе!); съ нимъ пришла и его супруга, необычно шикарно разодѣтая, съ аристократическими манерами дама, умѣвшая говорить по-французски. (Самъ агрономъ былъ сынъ сельскаго дьячка, а супруга его была дворянскаго происхожденія.) Все это я зналъ раньше, хотя Д. вообще посѣщали насъ еще не часто. Визитъ ихъ придавалъ нашему вечеру еще болѣе незаурядный интересъ. Пришли затѣмъ еще нѣсколько

близкихъ знакомыхъ отца и два «профессора» семинаріи, считавшіеся дальними родственниками. Начали разносить чай, когда явился, наконецъ, по обыкновенію съ добродушной улыбкой, съ мягкими, изящно-простыми непринужденными манерами, дядя Александръ, общій любимецъ и моего отца, и матери, и насъ, дѣтей, явился въ своей необычайной сверкающей бѣлизною блузѣ со свертком̀ъ книгъ въ рукахъ.

— А! вотъ и вы'—крикнули гости чуть не всѣ разомъ, окидывая взоромъ его оригинальный костюмъ.

— Въ «духъ времени» облеклись? замѣтилъ одинъ изъ профессоровъ.

— Нужно бы, батенька, по-нашему ужъ, по-россійски, по-крестьянски... Дѣло теперь крестьянское наступаетъ!.. сказалъ улыбаясь агрономъ.

— Ну, пусть ужъ въ красныхъ рубахахъ да плисовыхъ поддевкахъ ваши славянофилы московскіе ходятъ... А мы-съ петербургскіе увріеры!.. говорилъ, смѣясь и радушно пожимая всѣмъ руки, дядя. Поостривъ еще насчетъ костюмовъ «въ духѣ времени», гости стали поздравлять дядю съ окончаніемъ курса и съ тѣмъ, что онъ уже сталъ теперь «форменный педагогъ». Это послѣднее обстоятельство меня окончательно заинтриговало: дядя Александръ, этотъ милый, добрый, ласковый дядя, вдругъ сталъ «форменный педагогъ»! А тутъ еще эта блуза! По истинѣ изумительное преображеніе совершилось предо мною воочію.

— Ну, показывайте, что привезли новенькаго, животрепещущаго, такъ сказать!.. Давно мы васъ въ нашемъ захолустьѣ ждемъ... Вы никогда вѣдь съ пустыми руками не являлись, — тотчасъ же пристал̀ъ къ дядѣ Александру всегда нервный и возбужденный Д., стараясь взять у него изъ рукъ свертокъ.

— Есть, есть!..—загадочно говорилъ дядя, развязывая свертокъ:—Трудненько досталось, господа... Надо беречь какъ зеницу ока... Ну-съ, господа, что жъ, пойдемте всѣ

въ гостиную, за одинъ столъ, тамъ поразсмотримъ и кое-что, можетъ, прочитаемъ...

— Вотъ и ты здѣсь? вдругъ замѣтилъ меня дядя внимательно разсматривавшимъ его блузу. — Это хорошо... Пора тебѣ уже перестать только змѣи пускать да по улицамъ бѣгать... Посмотри-ка какой ты молодецъ!.. Пора ужъ тебѣ послушать что и старшіе говорятъ... Вотъ тогда и тебѣ такую же блузу сошьютъ!.. А? хочешь?.. Ну только... надо, братъ, для этого поучиться... вотъ эти книжки умѣть читать,—говорилъ онъ полушутливо, похлопывая меня по плечу и показывая на свертокъ.— Ну, пойдемъ, садись съ нами, не дичись, — прибавилъ онъ, обнимая меня и увлекая съ собой въ гостиную, гдѣ уже собралась вся компанія.

— Ну-съ, господа, вотъ вамъ и послѣднія петербургскія новости,—говорилъ дядя, развертывая свертокъ.— Вотъ вамъ нѣсколько нумеровъ «Колокола», самые жи-вотрепещущіе.

— Покажите, покажите! гдѣ они?—закричалъ ученый агрономъ Д., едва не вырывая газету изъ рукъ. Я видѣлъ, какъ глаза профессора вдругъ засверкали и жадно впились въ печатныя строки. Пораженный, я не могъ отвести отъ него широко открытыхъ глазъ. Неужели какія-либо печатныя строки могли быть такъ интересны, да еще для солиднаго, почтеннаго человѣка, у котораго дрожатъ даже руки отъ прикосновенія къ простому газетному листу?!

— А это вотъ, Николай Яковлевичъ, мы ужъ съ вами какъ-нибудь вмѣстѣ на досугѣ сначала почитаемъ... У насъ въ Россіи, какъ знаете, это рѣдкая вещь,—говорилъ дядя, показывая агроному томики на французскомъ языкѣ сочиненій Руссо [1]).

---

[1]) О названіяхъ и значеніи этихъ книгъ я узналъ, конечно, послѣ, какъ и о значеніи разныхъ иностранныхъ модныхъ въ то время словъ, которыя часто упоминались въ разговорахъ.

— Великолѣпно!.. Превосходно!..—похваливалъ Д. восторженно, прочитывая заголовки.

— А вотъ это, господа,—говорилъ дядя, понизивъ голосъ, — секретныя записки о негласныхъ совѣщаніяхъ комитета... объ эмансп-и-па-аціи! прибавилъ онъ, особенно выразительно выговаривая послѣднее слово.

— Гдѣ? гдѣ? Это? Секретныя записки? закричалъ Д., моментально вскочивъ и хватая рукопись изъ рукъ дяди.—Ну, ужъ это я... къ себѣ... до завтра... Никому не дамъ впередъ! Ни-и-ко-ому!.. Хоть разорвите!

Гости весело смѣялись надъ экспансивнымъ агрономомъ.

— Ну, ну!—улыбаясь, говорилъ дядя.—Уступимъ это ему... Ему и книги въ руки. Вѣдь у васъ Николай Яковлевичъ главный здѣсь эмансипаторъ и литераторъ.

Изумленію моему не предвидилось конца; я не зналъ, чему больше удивляться: поведенію ли солиднаго профессора, который на моихъ глазахъ уже нѣсколько разъ бѣсновался какъ помѣшанный, необычайному ли потоку новыхъ словъ и названій, которыя для меня въ это время представлялись верхомъ человѣческой премудрости.

— А вотъ это, господа, для всѣхъ насъ будетъ очень интересно и занимательно, говорилъ дядя:—это прекрасная новинка... только что вышла... Стихотворенія Некрасова... Это одна прелесть!.. Свѣжо... ново... оригинально... Да вотъ... прочтемте.

И дядя, развернувъ небольшой томикъ въ розовой оберткѣ, прочелъ вслухъ нѣсколько стихотвореній.

Это были первые звуки «истинной» поэзіи, которые коснулись моего слуха... Я былъ весь вниманіе... Что-то, казалось, творилось невѣдомое въ моей головѣ... Мнѣ было и жутко и стыдно; у меня то замирало сердце, то вдругъ кровь заливала все лицо... отъ стыда!.. Да, отъ стыда... Мнѣ было стыдно сознавать, что стихи можно читать и понимать просто, «по-человѣчески»... А вѣдь до сихъ поръ я думалъ, что ихъ можно только зубрить,

ничего не понимая, какъ я зубрилъ отрывки разныхъ одъ, идиллій и посланій изъ нашей хрестоматіи... Дядя продолжалъ читать дальше, но я уже ловилъ только гармонію стиха, которая ласкала мой слухъ какъ нѣчто неизвѣданное и неиспытанное мною доселѣ, совсѣмъ не въ силахъ будучи уловить ея смыслъ... Но мнѣ уже не было стыдно и обидно: я чувствовалъ, что если я не понимаю сейчасъ, то не потому, что для меня вообще это «невозможно понять», что, напротивъ, я непремѣнно все это пойму послѣ... скоро... да, непремѣнно пойму!..

Затѣмъ дядя сталъ читать «Колоколъ», изъ котораго я уже, конечно, ровно ничего не понималъ... Какіе-то новые звуки, новыя слова, новыя понятія шумнымъ каскадомъ вливались мнѣ въ душу, и я слушалъ ихъ какъ музыку, смыслъ которой былъ для меня не понятенъ, не ясенъ, но пріятенъ... пріятенъ смутнымъ сознаніемъ, что и это, такое на первый разъ мудреное какъ будто, я тоже скоро... буду понимать и читать также, какъ дядя Александръ, потому что вѣдь все это дѣлается такъ просто, «не по-гимназически», по-человѣчески... Однако «пріемъ» первыхъ необычныхъ впечатлѣній былъ настолько великъ и непосиленъ для моего мозга, что я скоро почувствовалъ, какъ отъ этой музыки новыхъ словъ и понятій у меня начала кружиться голова, и у меня явилось непреодолимое желаніе — излить хоть частицу этихъ впечатлѣній другимъ; я ускользнулъ изъ нашей гостиной и бросился «на улицу» къ своимъ сверстникамъ. Какъ ни былъ я полонъ новыми впечатлѣніями, но передать понятно ихъ товарищамъ я—увы!—былъ рѣшительно не въ состояніи, кромѣ сообщенія, что въ Петербургѣ всѣ студенты теперь ходятъ, какъ французскіе рабочіе, въ бѣлыхъ блузахъ, и носятъ съ собой «запрещенныя» книги. Я чувствовалъ, что этого было недостаточно, и былъ внутренно сконфуженъ, что не могъ передать, чѣмъ смутно была переполнена моя юная душа. Замѣ-

тивъ, что гости отъ насъ стали расходиться, я стремительно бросился домой и, еще заставъ дядю Александра, настойчиво приставъ къ нему показать мнѣ всѣ книжки. Вѣдь я никогда еще не видалъ «настоящія» книжки!.. Меня въ нихъ все интересовало: печать, бумага, форматъ, обертки... Все это было такъ не похоже на гимназическій учебникъ!.. Обо всемъ этомъ я засыпалъ дядю вопросами—вплоть до того, какъ эти книги и кѣмъ печатаются и пишутся. Дядя наскоро отдѣлывался отъ меня бѣглыми замѣчаніями, утѣшая, что «послѣ... послѣ я все узнаю, а теперь все равно не пойму»; — но я все же узналъ въ этотъ знаменательный вечеръ и крѣпко запомнилъ, что есть писатель «Искандеръ», который живетъ изгнанникомъ въ Лондонѣ и тамъ печатаетъ запрещенную газету «Колоколъ», въ которой онъ все пишетъ объ эмансипаціи, что во Франціи былъ писатель Руссо, который «освободилъ весь французскій народъ», что появился у насъ новый замѣчательный поэтъ Некрасовъ, который все пишетъ о крестьянахъ и вообще о бѣдныхъ людяхъ... О, этого на первый разъ было уже болѣе чѣмъ достаточно, чтобы удовлетворить любознательность мою и моихъ товарищей, для которыхъ уличный спортъ далеко еще не потерялъ всей своей прелести! Этого было достаточно и для того, чтобы я все чаще сталъ измѣнять спорту ребячьей улицы, стараясь возможно чаще быть въ компаніи съѣхавшейся студенческой молодежи, все больше интересовавшей меня новыми, невѣдомыми мнѣ сторонами жизни.

А молодежь собиралась часто вмѣстѣ, то у насъ, то у дѣда. Вскорѣ же послѣ описаннаго вечера вишневый садъ моего дѣда огласился шумнымъ весельемъ. Добродушный дѣдъ, крайне общественный человѣкъ и большой любитель всякихъ «романтическихъ компаній», устроилъ грандіозную «поздравку» въ честь двоихъ своихъ сыновей: дяди Александра, только что окончившаго курсъ въ петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, и младшаго,

Андрея, недавно женившагося и посвященнаго въ сельскіе священники.

Собралась, главнымъ образомъ, молодежь—студенты, молодые священники и великовозрастные семинары изъ родственниковъ, кромѣ, конечно, родныхъ обѣихъ семей.

Молодежь чувствовала себя въ необыкновенно повышенномъ настроеніи. Въ густой зелени старинныхъ яблонь и вишенъ дѣдушкина сада, расположеннаго на громадномъ откосѣ «архіерейской горы», вдали отъ скученныхъ городскихъ построекъ, съ широкимъ видомъ на рѣку, пойму и огромный старинный величественный соборъ вдали на противоположной горѣ, чувствовалось такъ свободно и непринужденно, безъ всякихъ условностей. Здѣсь велись почти весь день горячіе споры, читались какія-то статьи, безъ конца пѣлись пѣсни...

Въ спорахъ я не понималъ ровно ничего, но пѣсни мнѣ нравились и увлекали меня: пѣлись тутъ и «старыя» народныя и семинарскія пѣсни, пѣлись и новыя, незнакомыя мнѣ. Между прочимъ, помнится мнѣ, кажется, именно здѣсь я впервые услыхалъ, какъ пѣли некрасовское: «Не гулялъ съ кистенемъ»; впервые же здѣсь увидалъ я переходившую все время изъ рукъ въ руки книжку стихотвореній лондонскаго изданія, не дозволенныхъ въ Россіи, пользовавшуюся въ то время большой популярностью; многія изъ стихотвореній здѣсь читались въ слухъ; особенно часто повторялась популярная тогда басня «Шарманка». Я, конечно, во всемъ этомъ понималъ очень мало, но общее повышенное настроеніе захватывало и меня. Вспоминается мнѣ такой эпизодъ этого вечера. Когда всѣ сгрудились на самой широкой площадкѣ сада, гдѣ велись горячіе споры, кто-то громко выкрикнулъ какой-то тостъ общаго характера; тостъ былъ восторженно подхваченъ единодушными криками. Тогда дядя Александръ, всегда необыкновенно быстро воодушевлявшійся, замѣтивъ кого-то изъ насъ, малышей, крикнулъ:

— Ну, хочешь видѣть Москву, малецъ? хочешь?

И, схвативъ его подъ мышки, онъ быстро посадилъ къ себѣ на плечо.

— Ну, смотри!.. Видишь Москву?.. Да что—Москву... Русь! Видишь ли нашу Русь, Русь будущую великую, могучую, свободную?!—кричалъ онъ, махая свободной рукой...

И снова восторженный крикъ подхватилъ его слова.

Такъ все яснѣе и яснѣе сталъ доходить до нашей провинціи гулъ освободительнаго движенія.

Съ окончаніемъ экзаменовъ въ семинаріи (а они тогда кончались довольно поздно, около половины іюля) вся молодежь, которая ютилась около насъ (и студенты, и семинаристы—ихъ родственники), стала собираться въ родныя захолустныя палестины, по уѣзднымъ городкамъ и селамъ. Лѣто въ тотъ годъ стояло на рѣдкость прекрасное, и деревенское приволье какъ-то невольно тянуло къ себѣ. И вотъ я услыхалъ радостную для себя вѣсть, что матушка со всѣми нами, дѣтьми, въ сопровожденіи обоихъ дядей, рѣшила на лѣто ѣхать къ своимъ роднымъ въ —скій уѣздъ, такъ какъ предстояла свадьба ея младшей сестры. Какъ я уже упоминалъ раньше, поѣздки наши въ глушь провинціи, къ дѣду (по матушкѣ) и къ деревенскимъ родственникамъ, верстъ за 100, на ямскихъ лошадяхъ, всегда приносили мнѣ огромное удовольствіе, доставляя массу совершенно новыхъ впечатлѣній и оставляя на моей душѣ глубокій слѣдъ. Нынѣшнее наше путешествіе, въ сообществѣ обоихъ дядей, такъ весело и оживленно настроенныхъ, представлялось мнѣ особенно привлекательнымъ. Когда мы однимъ чуднымъ раннимъ утромъ, омытымъ благоухающей росой, выѣхали на двухъ тройкахъ, запряженныхъ въ громаднѣйшіе тарантасы, за городъ, когда были развязаны колокольчики подъ дугами и раздался ихъ веселый переливчатый звонъ, когда раскинулась передъ глазами широкая перспектива шоссейной дороги, обсаженной кое-гдѣ рядами деревьевъ,—

моему восторгу не было конца. Дядя Александръ, всегда необыкновенно отзывчивый, мягкій и радушный, теперь, кажется, превзошелъ самого себя, ухаживая за моими младшими братьями и сестрами, насаженными въ оба тарантаса, какъ цыплята въ корзинѣ. Онъ шутилъ съ нами, напѣвалъ пѣсни, весело бесѣдовалъ съ ямщиками и крестьянами на почтовыхъ станціяхъ, которые, кажется, особенно внимательно, хотя и боязливо, прислушивались къ вѣстямъ «о волѣ» этого заѣзжаго барина, которыми онъ мимоходомъ и наскоро дѣлился съ ними. Благодаря такому настроенію дяди Александра, мы и не замѣтили, какъ весело проѣхали сто верстъ. Матушка не знала чѣмъ и выразить свои симпатіи къ своему любимому деверю. Даже обыкновенно хмурый, необщительный и малоподвижной дядя Сергѣй, напоминавшій типъ сумрачнаго бурсака, и тотъ былъ необычно веселъ и оживленъ, быть можетъ, отчасти благодаря своему новому студенческому вицмундиру. Это же оживленно-веселое настроеніе дядя Александръ продолжалъ поддерживать и въ семьѣ моего дѣда, несмотря на его благочинническую сановитость и сугубо домостроевскій укладъ въ его домѣ. Этому, впрочемъ, много помогло вообще необычно большое скопленіе въ нынѣшнія каникулы студенческой—университетской и академической—молодежи, которая въ духовныхъ семьяхъ съ каждымъ годомъ увеличивалась все больше и которая значительно измѣняла общій характеръ сложившейся въ нихъ жизни. Однако, когда, отпраздновавъ свадьбу тетки по всѣмъ традиціоннымъ ритуаламъ, молодежь, захвативъ меня съ собою, двинулась на Оку, въ приокскія села, къ родственникамъ молодыхъ, это повышенное настроеніе скоро значительно потускнѣло. Чувствовалось, что оно далеко не соотвѣтствовало общей окружающей атмосферѣ. Крестьянская страда, да притомъ еще крѣпостная, была въ полномъ разгарѣ. Робкіе и забитые сельскіе батюшки встрѣчали столичную молодежь сдержанно и боязливо, а о разныхъ столичныхъ

вѣстяхъ шушукались втихомолку. Съ еще болѣе недовѣрчиво-боязливымъ отношеніемъ прислушивались къ разговорамъ молодежи крестьяне. Чувствовалась непосредственная близость помѣщичьихъ усадьбъ, въ которыхъ еще царило полное крѣпостное самовластіе. Эту перемѣну повышеннаго настроенія замѣтилъ даже я, для котораго всякій пріѣздъ въ деревню раньше представлялъ только рядъ всевозможныхъ ребячьихъ удовольствій. Мы и теперь, конечно, спѣшили ими воспользоваться вволю: катались на лодкахъ, ловили рыбу, варили на берегу стерляжью уху, охотились по озерамъ, даже пѣли, но все это было уже не то. И для меня впервые, хотя смутно, начало открываться нѣчто новое и важное, что скрывалось подъ прелестями деревенской природы. И это «нѣчто» незамѣтно какъ-то вскрылъ для меня тотъ же дядя Александръ, который, благодаря своей крайне отзывчивой и впечатлительной натурѣ, часто мѣнялъ свое настроеніе; послѣ бодраго и веселаго подъема духа онъ иногда быстро впадалъ въ меланхолію, начиналъ грустить и даже плакать. Теперь, когда мы на большой лодкѣ плыли тихо по Окѣ цѣлой компаніей, дядя Александръ все чаще запѣвалъ грустныя пѣсни, въ родѣ «Лучинушки», или читалъ намъ некрасовскіе стихи, но на самыя мрачныя темы. Въ тонъ этимъ пѣснямъ велись здѣсь и разговоры; мѣстная молодежь разсказывала, какъ за вѣсти «о волѣ» кого-то выдрали на конюшнѣ, кого-то сослали въ дальнюю деревню, кого-то даже арестовали, а одного дьякона услали на послушаніе въ монастырь... Я плохо еще разбирался во всемъ этомъ, но общее настроеніе невольно захватывало и меня, передо мною понемногу начинала подниматься завѣса надъ настоящей жизнью; въ отвѣтъ на новыя впечатлѣнія вспыхивали старыя, полузабытыя, вспоминался нашъ маленькій домикъ въ городѣ и кухня, въ которой мы съ матушкой такъ любили слушать разсказы «странныхъ людей», припоминались ихъ вздохи и слезы надъ чѣмъ-то для меня непонятнымъ...

Все это складывалось въ моей душѣ въ новыя комбинаціи, освѣщалось хотя и смутно сознаваемымъ, но новымъ настроеніемъ.

Въ этомъ, уже нѣсколько подавленномъ, настроеніи мы съ дядей Александромъ, заѣхавъ за матушкой съ дѣтьми къ дѣду, двинулись въ концѣ іюля обратно въ нашъ городъ. По пріѣздѣ домой насъ ожидалъ цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ для всѣхъ насъ извѣстій.

VI.

Отецъ и Николай Яковлевичъ на первыхъ порахъ эмансипаторской миссіи.—Послѣднія вспышки крѣпостническаго самовластія. — Дядя Александръ похищаетъ меня.

Этому году суждено было вообще сдѣлаться для меня источникомъ разнообразныхъ и неожиданныхъ откровеній. Первое, что сообщилъ отецъ по нашемъ пріѣздѣ, было полученное извѣстіе изъ округа о назначеніи дяди Александра учителемъ словесности въ гимназію одного изъ сосѣднихъ губернскихъ городовъ. Дядя, повидимому, былъ очень обрадованъ, сказавъ, что лучшаго пока онъ не желаетъ, что о гимназіи этой онъ много слышалъ хорошаго, что тамъ уже служатъ нѣсколько прекрасныхъ молодыхъ учителей, которыхъ онъ хорошо зналъ еще въ Петербургѣ студентами.

Затѣмъ батюшка сообщилъ «чрезвычайно важную новость», что его самого губернскій предводитель предполагаетъ назначить при себѣ секретаремъ съ спеціальной задачей—слѣдить за ходомъ какъ правительственныхъ работъ по освобожденію крестьянъ, такъ и депутатовъ дворянскаго собранія въ губернскомъ комитетѣ и затѣмъ, на основаніи ихъ, составить докладную записку по освобожденію; что, такимъ образомъ, ему предстоитъ новое, чрезвычайно большое и отвѣтственное дѣло, а между тѣмъ ему приходится уже теперь «кипѣть какъ въ котлѣ», не зная отдыха, и что онъ съ большимъ страхомъ смо-

тритъ на это предстоящее дѣло. Говоря объ этомъ, батюшка, видимо, волновался. Волновалась, глядя на него, и матушка, присутствовавшая тутъ же, и больше, кажется, чутьемъ угадывая, что волновало и страшило отца.

— Такъ вотъ какія дѣла! Ну что жъ, друзья мои, рѣшаться, что ли?—спросилъ отецъ матушку и дядю.

— Конечно, крестный (такъ звалъ дядя моего отца). Такое хорошее, большое дѣло!—съ обычнымъ воодушевленіемъ сказалъ онъ.

Матушка, не отвѣчая сначала, взглянула благоговѣйно на образъ, опустилась на колѣни и сдѣлала нѣсколько земныхъ поклоновъ, какъ она обыкновенно дѣлала при всѣхъ важныхъ рѣшеніяхъ.—Рѣшайся, милый другъ, рѣшайся!—сказала она, поднявшись и кладя руку на плечо отца.—Дѣло душевное, говорятъ, хорошее дѣло, Божье... Вотъ и братецъ тоже совѣтуетъ...

— Да, конечно! Вѣдь вы не одни, крестный, будете... Вы сами знаете, что изъ здѣшнихъ дворянъ есть не мало хорошихъ людей, сочувствующихъ.

— Да, вѣрно, есть,—сказалъ раздумчиво отецъ.

Во всемъ этомъ разговорѣ я, понятно, понималъ далеко не все, но и меня волновало смутное предчувствіе какихъ-то новыхъ откровеній, которыя начинала раскрывать передо мною жизнь вообще и въ частности нашей семьи.

Служба моего отца, насколько я запомню, вообще представляла довольно живую и разностороннюю дѣятельность въ единственно возможныхъ для него въ то время общественныхъ формахъ. Я его всегда вспоминаю въ то время или погруженнымъ въ хлопоты и заботы по исполненію разныхъ порученій предводителя и депутатовъ, соединенныхъ съ нерѣдкими поѣздками (еще на лошадяхъ) въ Москву и уѣзды, куда онъ иногда бралъ и меня, или же сочиняющимъ безконечные доклады по разнообразнымъ вопросамъ. По поводу послѣднихъ онъ обык-

новенно всегда совѣщался съ братьями и пріятелями, въ родѣ Николая Яковлевича, нерѣдко также съ молодыми образованными дворянами, жившими въ городѣ. Благодаря этому, въ нашемъ маленькомъ зальцѣ часто собирались небольшія компаніи, на которыхъ велись оживленныя бесѣды. Такія же компаніи мѣстной «интеллигенціи» (слово тогда еще, впрочемъ, непопулярное) собирались и у Николая Яковлевича (гдѣ впослѣдствіи удостоивался бывать и я), слава котораго, какъ «эмансипатора», гремѣла тогда по всему городу, тѣмъ болѣе что онъ былъ уже извѣстенъ какъ «литераторъ». Особенно заговорили о немъ съ тѣхъ поръ, какъ новый «либеральный» губернаторъ, изъ статскихъ («не солдафонъ», какъ говорили про него), пригласилъ его къ себѣ и уговорилъ занять мѣсто секретаря при губернскомъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, какъ виднаго въ губерніи спеціалиста по экономическимъ вопросамъ. Это еще болѣе подняло значеніе нашихъ компаній, оживленіе которыхъ росло все больше, вмѣстѣ съ усиленіемъ въ обществѣ освободительнаго движенія.

Для меня остался памятнымъ одинъ характерный фактъ, подавшій поводъ къ особенно оживленнымъ разговорамъ въ нашихъ компаніяхъ. Произошло это, кажется, вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ изъ деревни. Было воскресенье. Я съ матушкой былъ въ кухнѣ, когда вдругъ вбѣжала, возвращаясь съ базара, запыхавшаяся и взволнованная наша кухарка.

— Матушка барыня!—вскрикивала она сквозь слезы.—Гонютъ ихъ, гонютъ, голубчиковъ моихъ... Тыщи гонютъ.—Да кого гонятъ-то?—спрашиваетъ матушка.—Да мужиковъ-то, что я вамъ вчера докладывала... Матушка моя! тыщи гонютъ... кандальными... Дѣла-то какія, дѣла-то! Что ужъ это? Послѣднія времена пришли!—причитала Дарья.—Вотъ, гляди, скорехонько погонютъ мимо насъ, по большаку, прямехонько...—Ну такъ скорѣе надо торопиться!—заволновалась и матушка.—Чего плакать-то?

Собирай скорѣе что есть въ корзины. Кликни няньку, да съ нею на дорогу корзины-то и вынесите... Эхъ, бѣдные, бѣдные!—всхлипнула и матушка.

Дарья сорвалась съ мѣста и начала метаться изъ стороны въ сторону, собирая изъ съѣдобнаго и изъ одежды что попало. Сорвался и я, бросившись на улицу собирать сосѣдей-товарищей смотрѣть «кандальниковъ». Долго еще намъ пришлось ждать, пока показалась печальная процессія. Толпа запрудила всѣ улицы и надвигалась на насъ какъ громадная волна. Посреднѣ, рядами въ нѣсколько человѣкъ, шагали сотни молодыхъ и старыхъ крестьянъ, въ сопровожденіи конвойныхъ солдатъ. Перегоняя другъ друга, рыдая и причитая, бѣжали бабы, таща за собою за руки ребятишекъ; на нихъ кричали солдаты и хожалые; изъ лавокъ и нѣкоторыхъ домовъ выбѣгали люди и подавали «кандальнымъ» калачи, пироги, хлѣбы и деньги; за пѣшими тянулся длинный рядъ телѣгъ, доверху наполненныхъ мѣшками и узлами съ одеждой, поверхъ которыхъ сидѣли плачущія бабы съ малыми дѣтьми; надъ всей улицей висѣла густая туча пыли, сквозь которую несся сплошной гулъ невыразимо рѣзавшихъ ухо разнообразныхъ звуковъ. Не знаю почему, все время, пока проходила мимо меня процессія, я дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, у меня тряслись ноги и дрожали губы, а глаза были полны слезъ, хотя я врядъ ли въ ту минуту понималъ ясно весь потрясающій смыслъ того, что совершалось. А совершалось глубоко-возмутительное, даже по тому времени, дѣло: громадная деревня, въ нѣсколько сотъ душъ, ссылалась этапомъ въ Сибирь на поселеніе, безъ слѣдствія и суда, неизвѣстно за какія провинности, по единоличному распоряженію богатаго помѣщика. И это происходило въ послѣдніе, можно сказать, дни передъ освобожденіемъ крестьянъ!

Этотъ фактъ, очевидно, возмутилъ даже нашъ, коснѣвшій въ чиновничье-дворянской рутинѣ городъ, такъ какъ послѣ прохода этапа долго еще раздавались негодующіе

разговоры среди нерасходившихся кучекъ обывателей. Событіе это обсуждалось и въ нашихъ компаніяхъ очень горячо и долго. Особенно волновался Николай Яковлевичъ, который кричалъ почти, что это дѣло вопіющее, что оставить его такъ невозможно, что онъ завтра же будетъ говорить съ губернаторомъ, что надо немедленно объ этомъ донести министру и въ сенатъ и потребовать преданія суду помѣщика. Молодые дворяне говорили отцу, что надо потребовать отъ предводителя, чтобы онъ собралъ экстренное собраніе дворянскихъ депутатовъ и предложилъ на обсужденіе вопросъ о лишеніи этого помѣщика дворянскихъ правъ, какъ совершившаго дѣяніе, противное намѣреніямъ правительства и дворянской чести.

Волновались и вели серьезные разговоры, и довольно открыто, какъ никогда раньше, не только у насъ. Судя по разсказамъ отца и дядей, этотъ случай долго еще обсуждался всѣми видными представителями какъ администраціи, такъ и общества, какъ-то сразу поставивъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о «водвореніи законности», какъ тогда говорили, на открытое обсужденіе, о чемъ раньше могли говорить только въ близкихъ компаніяхъ, да и то осторожно, полунамеками и втихомолку. Практическія мѣропріятія однако по этому дѣлу хотя и осуществились, но очень не скоро: помѣщикъ дѣйствительно былъ отданъ подъ судъ, къ чему-то присужденъ, но былъ ли лишенъ дворянскаго званія, не знаю, вѣрнѣе, что не былъ. Помнится, что и мужиковъ вернули на родину, но не раньше, какъ они прогулялись пѣшкомъ въ Сибирь, и неизвѣстно, всѣ ли они вернулись домой цѣлы и невредимы.

События въ нашей семейной жизни между тѣмъ продолжали поражать меня неожиданностями. Дядя Александръ спѣшно готовился къ отъѣзду на мѣсто, чтобы успѣть заранѣе познакомиться съ условіями своей новой

дѣятельности. Какъ-то онъ, особенно чѣмъ-то озабоченный, зашелъ вечеромъ къ намъ.

— Вотъ и ты дома! — сказалъ онъ, встрѣтивъ меня въ кабинетикѣ и ласково потрепавъ по плечу.—Погоди, не уходи... Мнѣ нужно поговорить. Крестный, сестрица!—крикнулъ онъ,—зайдите-ка въ кабинетъ. Мнѣ нужно кое о чемъ поговорить.

— Знаю, знаю, братецъ!—заволновалась матушка.—Насчетъ того, чтобы Николеньку съ вами отпустить въ новую гимназію. Да вѣдь онъ еще совсѣмъ ребенокъ! Да что это вы, братецъ, придумали? Да съ чего это? Ахъ, братецъ, какъ это вы материнскаго сердца понять не хотите...

Матушка все больше волновалась и протестовала.

— Сестрица, вы не волнуйтесь,—ласково и мягко заговорилъ дядя.—Подумайте, взвѣсьте все хладнокровно... Надо взвѣсить будущее. Признаюсь вамъ, я боюсь за его судьбу въ здѣшней гимназіи. Хорошій, умный, способный мальчикъ сидитъ три года въ одномъ классѣ, теряя лучшіе годы. Что же съ нимъ будетъ, если и дальше такъ продолжится? Страшно сказать...

Дядя говорилъ долго, горячо и убѣдительно; указывалъ и на то, что я остаюсь совсѣмъ безъ помощи, что у отца дѣла по горло, что у нея самой масса хлопотъ съ маленькими дѣтьми, а между тѣмъ онъ, дядя, какъ одинъ, могъ бы всего себя отдать моему воспитанію.

Отецъ молчалъ, повидимому, во всемъ соглашаясь съ дядей; матушка тихо плакала, но въ то же время не безъ основанія возражала, что какое же можетъ быть воспитаніе ребенка у одинокаго молодого человѣка, который еще и самъ не знаетъ, какъ устроится въ жизни.

— Ну-съ, хорошо... Оставимъ объ этомъ говорить теперь,—сказалъ дядя.—Я вотъ поѣду сначала одинъ, осмотрюсь тамъ, все узнаю, устроюсь и тогда уже напишу вамъ подробно свое мнѣніе, взвѣсивъ всѣ условія. Ну,

а ты какъ насчетъ этого?—неожиданно спросилъ меня дядя.

Увы, застигнутый врасплохъ, я только пыхтѣлъ, краснѣлъ и блѣднѣлъ и не могъ выговорить въ смущеніи ни слова; въ глубинѣ моей души шла борьба: мнѣ такъ хотѣлось броситься къ этому чему-то новому, свѣжему, неизвѣданному, гдѣ все будетъ такъ не похоже на заплѣсневѣвшую и опостылѣвшую нашу гимназію, и въ то же время мнѣ было страшно вдругъ оторваться отъ отца, матери, братьевъ и сестеръ, отъ своей ребячьей улицы.

— Ну, такъ какъ же?— переспросилъ дядя.

— Не знаю,—едва прошепталъ я, красный какъ кумачъ.

— И конечно такъ: какъ можешь ты рѣшить то, въ чемъ и старшіе не могутъ разобраться?..

— Да, это вѣрно,—подтвердилъ и отецъ.— А все же это вопросъ важный и его нужно какъ-нибудь рѣшить... А у меня дѣла по горло... Вотъ!—сказалъ онъ, подвигая къ дядѣ бумагу.

— Разрѣшеніе на библіотеку? — крикнулъ радостно дядя.—Получили?

— Какъ видишь... Но что же я буду дѣлать... одинъ? Всѣ вы разъѣзжаетесь...

— Это ничего .. Мы всѣ вамъ будемъ полезны и оттуда... Мы уже намѣтили вамъ всѣ нужныя книги по современной литературѣ... Затѣмъ о цѣнахъ, о литературныхъ новостяхъ, обо всемъ подробно справится Сергѣй Яковлевичъ въ Москвѣ... Черезъ него будете и выписывать... Ну, а какъ дворяне насчетъ помѣщенія въ дворянскомъ домѣ?

— Есть надежды.

— Великолѣпно, крестный! начинайте!

— Да вѣдь не разорваться же мнѣ!—возражалъ батюшка.— Надо пока отложить, хотя ненадолго.

— Эхъ, досадно!.. Надо бы мнѣ годокъ прожить здѣсь, такъ, приватно... Да ничего не подѣлаешь!.. Приходится отслуживать тамъ, куда пошлютъ...

Дядя загрустилъ.

Переживая эту массу новыхъ, неожиданно хлынувшихъ на меня откровеній и впечатлѣній, я дѣйствительно сталъ какъ будто понимать, что жизнь моихъ близкихъ начинала круто измѣняться, что жизнь и моего отца и многихъ другихъ начинала «кипѣть какъ въ котлѣ», а я ничего не зналъ и не понималъ во всемъ этомъ. Послѣдній разговоръ отца и матери съ дядей далъ мнѣ почувствовать это какъ-то особенно больно... Даже названіе меня «ребенкомъ», когда мнѣ шелъ уже 14-й годъ, болѣзненно кольнуло меня. Мнѣ стало стыдно и обидно за себя... А вѣдь въ сущности это было справедливо, вѣдь я дѣйствительно не больше какъ уличный мальчикъ... вѣдь для меня еще городки дороже всякой «новой» гимназіи, дороже всякихъ другихъ интересовъ. Я даже изъ-за этихъ городковъ пропустилъ мимо ушей,—какъ, уже неоднократно, отецъ съ дядями обсуждали и рѣшали важный вопросъ объ открытіи въ городѣ «нашей» библіотеки!.. И чѣмъ больше я объ этомъ думалъ, тѣмъ больше начиналъ чувствовать себя какимъ-то оброшеннымъ и отъ всего оторваннымъ... И чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже: черезъ недѣлю опять гимназія, съ которой у меня нѣтъ никакой духовной связи попрежнему; лишивъ меня разумной умственной дисциплины, она отняла у меня всякую возможность воспринять отъ нея въ должной мѣрѣ хотя бы то нужное и хорошее, что она могла дать... Отецъ будетъ «кипѣть какъ въ котлѣ» отъ разнообразныхъ дѣлъ... Мать можетъ только беззавѣтно любить, изливая эту любовь въ безконечныхъ мелочныхъ о насъ заботахъ... Дяди разъѣдутся по разнымъ мѣстамъ, и у меня сразу обрывается всякая связь со всѣмъ тѣмъ «духовнымъ», которое нынѣшнимъ лѣтомъ такъ оживляюще пахнуло на меня вѣяніемъ какой-то новой жизни... И опять я заброшенъ одинъ между гимназіей и улицей... Нѣтъ, надо ѣхать съ дядей... въ «новую» гимназію!

Я долго еще колебался, но наконецъ рѣшился побѣ-

жать къ дѣду, чтобы поговорить съ дядей. Я долго вѣртѣлся около него, пока рѣшился, покраснѣвъ, сказать ему то, что меня волновало.

— Дядя, возьмите меня съ собой! —пролепеталъ я.

— А! ты уже обдумалъ? Не скоро ли?—спросилъ онъ, улыбаясь.—Смотри, не пришлось бы раскаиваться... Нѣтъ, теперь ужъ надо погодить... Ты знаешь, что сказала мамаша: надо прежде мнѣ самому устроиться... И это вѣрно. Надо подождать мѣсяцъ-другой... Я огляжусь тамъ... Тогда напишу... Бабушка хотѣла ко мнѣ пріѣхать... Вотъ если все будетъ у меня хорошо и мамаша тебя пуститъ, тогда ты ко мнѣ съ бабушкой и махнешь!..

Передо мною вдругъ теперь раскрылись радужныя перспективы и надежды, и я окрылѣлъ: я могъ уже жить не одной нашей гимназіей и улицей съ городками, но и мечтой о «новой» жизни... въ «новой» гимназіи.

VII.

Новая гимназія и „совсѣмъ новые“ педагоги.—Ихъ „нѣчто“, подрывавшее корни системы.—Самокритика.—Литературные вечера и таинственныя писательскія легенды.—Одиночество номерной жизни и жгучія томленія духа и плоти.—Обратно на родину.

Дядя Александръ скоро уѣхалъ. Въ гимназіи формально начались уроки, но шли вяло. Ученики съѣзжались плохо. Я ходилъ и не ходилъ въ гимназію, поглощенный своей мечтой. Духовная связь съ гимназіей, слабая и раньше, порвалась теперь даже формально. Мѣсяцъ прошелъ быстро. Стали съѣзжаться семинаристы и студенты, направляясь въ столицы. Пользуясь временнымъ пребываніемъ у насъ дяди Сергѣя и его товарищей, отецъ усиленно занялся съ ними библіотечнымъ вопросомъ: чуть не ночами сидѣли они за составленіемъ каталоговъ для будущей библіотеки и обсужденіемъ другихъ частностей. До меня опять никому не было дѣла, и я ходилъ какъ потерянный, съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидая письма дяди Александра. Наконецъ уѣхали и

студенты и пришло давно жданное письмо. Подробно содержанія его я не знаю, такъ какъ отецъ читалъ его матушкѣ наединѣ въ кабинетѣ, а я съ замираніемъ сердца слушалъ за дверью, какъ матушка часто всхлипывала, что-то возражала и какъ долго убѣждалъ ее въ чемъ-то отецъ. Наконецъ матушка вышла, утирая слезы и по обыкновенію крестясь.

— Ну, что жъ,— сказала она, проходя мимо меня и погладивъ ласково по головѣ,—поѣзжай... Можетъ, и лучше для тебя будетъ... Только единственно для братца Александра рѣшаюсь... Для кого другого ни въ жизнь не отпустила бы...

Черезъ недѣлю я уже сидѣлъ опять въ огромномъ тарантасѣ, между моей дородной бабушкой и какимъ-то толстымъ купцомъ-попутчикомъ, укачиваемый подъ «малиновый» звонъ колокольчика и наслаждаясь любимой картиной полей и лѣсовъ съ попутными селами и деревнями. Черезъ два дня мы уже были въ городѣ Z... и въ одинъ праздничный день, утромъ, въѣзжали во дворъ гимназіи, гдѣ въ одномъ изъ флигелей занималъ квартиру дядя.

Вѣроятно, увидавъ насъ изъ окна, дядя стремительно бросился навстрѣчу намъ на крыльцо.

— И ты пріѣхалъ?—вскричалъ онъ.—Вотъ молодецъ!.. И какъ это вы хорошо, маменька, сдѣлали... Пойдемте, пойдемте!.. сразу всѣхъ насъ увидите.

Дядя, видимо, былъ очень доволенъ.

Прошло тому много лѣтъ, а я помню этотъ день съ замѣчательной ясностью. Въ небольшой залѣ дядиной квартиры, вокругъ большого стола сидѣла оживленно бесѣдовавшая за завтракомъ компанія: четыре его молодыхъ товарища-учителя и дородная фигура священника-законоучителя, съ большой сѣдоватой окладистой бородой и наперснымъ крестомъ. Представивъ всѣхъ ихъ бабушкѣ, дядя взялъ меня, растерявшагося и смущеннаго, за руку и комически-торжественно сказалъ:

— А это, господа, юный птенецъ, злосчастная жертва дикаго коршуна нашей педагогіи... Съ этого момента, онъ—нашъ общій питомецъ... Наша задача—отогрѣть его и воскресить въ немъ душу живую... Ну, не дичись!.. Ступай, здоровайся... подавай руку всѣмъ... Не бойся!

И всѣ, улыбаясь, добродушно жали мнѣ руку, и даже почтенный іерей захватилъ ее въ обѣ пухлыя свои ладони.

— А теперь садись... завтракай... Мы уже кончаемъ,— говорилъ дядя, кладя мнѣ на тарелку кусокъ ростбифа.

Я сѣлъ, и вдругъ все мое смущеніе прошло: на меня повѣяло чѣмъ-то знакомымъ, близкимъ... Всѣ эти молодыя, веселыя, ласковыя лица я гдѣ-то уже видалъ какъ будто... И все мнѣ показалось такъ похожимъ на тѣ оживленныя компаніи молодежи, которыя собирались въ послѣднее время такъ часто въ нашемъ домѣ... Неужели же все это «педагоги»?.. Меня не смущалъ даже сановитый законоучитель—столько въ немъ было знакомаго мнѣ неизреченнаго благодушія! Но не успѣлъ я еще оглядѣть всѣхъ исподлобья бѣглымъ взглядомъ и приняться за завтракъ, какъ вдругъ раздался грубоватый голосъ бабушки.

— Александръ!.. Да это что жъ у васъ такое?..

— А что, маменька?—спросилъ изумленный дядя.

— Да вѣдь нынче, кажись, Воздвиженье... Чего жъ это іерей-то смотритъ на васъ?..

— А! это вы, маменька, насчетъ ростбифа?—добродушно расхохотался дядя.—Вы, маменька, не безпокойтесь... Я васъ смущать не буду!.. Для васъ, я знаю, нужно другое... вотъ вмѣстѣ съ батюшкой...

— Да мнѣ что... Я и до куска ни до какого не дотронусь... Поди, еще и обѣдня не отошла... А вы вотъ зачѣмъ сами басурманите, да еще ребенка смущаете?..

— Дорогая маменька, — серьезнымъ тономъ сказалъ дядя,—у насъ на это есть свой, не легкомысленный, а глубоковыстраданный взглядъ, что христіанская религія

не въ этихъ мелочахъ заключается, а въ стремленіи къ чистотѣ душевной... А у насъ вездѣ все наоборотъ... Мы это ужъ по бурсѣ хорошо знаемъ... Не правда ли, батюшка?—спросилъ онъ.

— Вполнѣ справедливо!—серьезно замѣтилъ тотъ.

— Ну, и попы... у васъ!—сказала бабушка, подозрительно взглянувъ на почтеннаго іерея.

Тутъ уже не выдержалъ и самъ батюшка и разразился добродушнѣйшимъ смѣхомъ.

— Ну, Богъ съ вами! Сами за себя на томъ свѣтѣ и отвѣтите,—проговорила бабушка.

— Вотъ это вѣрно, дорогая маменька. Безъ насилія лучше... Гдѣ насиліе, тамъ нѣтъ истинной религіи,—мягко замѣтилъ дядя.

— Мудрено говоришь... Заучились!—махнувъ рукой, уже добродушнѣе проговорила бабушка.—Налей-ка вотъ лучше чайку. Чего я въ самомъ дѣлѣ въ чужой монастырь да со своимъ уставомъ затесалась. Простите, Бога для!..

— Вотъ такъ-то лучше, маменька!—весело вскрикнулъ дядя вскакивая, и обнимая старуху. — Вѣдь мы, право, не плохіе люди... Вотъ поживете—увидите!.. Ну, Колька, разсказывай же намъ про свою гимназію. Намъ, педагогамъ, все нужно на усъ мотать.—заговорилъ онъ со мной.—Что же, вашъ поэтъ-инспекторъ уже открылъ сѣкаторскій сезонъ?.. Какъ это у васъ тамъ дѣлается, разскажи. У насъ такихъ представленій здѣсь, говорятъ, давнымъ-давно слыхомъ не слыхать... Да, знаете, замѣчательный въ своемъ родѣ типъ—этотъ поэтическій сѣкаторъ!—обратился дядя ко всѣмъ.—Какова должна быть система, сумѣвшая выработать такой изумительный экземпляръ!

И дядя съ большимъ юморомъ сталъ разсказывать разнообразныя сцены и анекдоты изъ быта нашихъ N-скихъ бурсъ—семинарской и гимназической,—вызывая то смѣхъ, то негодованіе среди своихъ товарищей. Бабушка

опять было не выдержала, вступившись за репутацію своего родного города.

— Ну, маменька,—сказалъ дядя,—вы въ это дѣло лучше ужъ и не вмѣшивайтесь! Тутъ мы вамъ ужъ ничего не уступимъ!..

Разговоры становились все оживленнѣе, пришелъ еще кто-то изъ знакомыхъ дядѣ учителей, анекдоты и воспоминанія изъ педагогическихъ нравовъ «стараго» времени такъ и сыпались одни за другими. Это все были для меня новыя и новыя откровенія. Изъ моего недолгаго пребыванія въ Z-ской гимназіи многое совсѣмъ стушевалось въ моей памяти, но я никогда не могъ забыть этотъ первый день, когда я впервые увидалъ этихъ совсѣмъ, «совсѣмъ новыхъ» педагоговъ.

Прошла недѣля, бабушка уѣхала, и я могъ уже нѣсколько оглядѣться въ новыхъ условіяхъ школьной жизни. Не помню, чтобы новая гимназія сразу поразила меня чѣмъ-нибудь особенно выдающимся. Въ ней, конечно, царила все та же пресловутая система схоластическаго формализма, какъ и вездѣ еще, но я не могъ не чувствовать, что въ этомъ формализмѣ существовала здѣсь довольно значительная брешь. Хотя во главѣ гимназіи стояли въ сущности тѣ же чиновники и проводили ту же мертвую систему, какъ и всюду въ то время на Руси, но благодаря, быть можетъ, случайной традиціи, заложенной раньше кѣмъ-либо изъ руководителей школы, отличавшимся нѣкоторымъ присутствіемъ джентльменства въ своей натурѣ, они не позволяли себѣ грубыхъ формъ примѣненія ея: здѣсь, дѣйствительно, уже почти совсѣмъ не практиковались ни порка, ни затрещины, ни дранье вихровъ и ушей, а съ учениками старшихъ классовъ даже обращались на «вы». Вообще на всемъ школьномъ распорядкѣ лежала печать хотя и чиновнической, но все же нѣкоторой порядочности. А это имѣло въ результатѣ то, что въ эту гимназію охотно шли новые, молодые педагоги, которые уже нерѣдко несли съ собою «нѣчто»,

подрывавшее и корни самой системы. «Нѣчто» это прежде всего заключалось въ томъ, что они стремились во всемъ поступать просто, «по-человѣчески», отметая все мертвенно-сухое, холодное и жестокое, что лежало въ корнѣ системы. Конечно, измѣнить всю систему, со всѣмъ ея несуразно-тяжелымъ аппаратомъ, они не могли и мечтать, но личными отношеніями они создавали все же атмосферу болѣе терпимую, чѣмъ въ разныхъ тогдашнихъ бурсахъ.

Въ новой гимназіи я пробылъ слишкомъ короткое время, чтобы она сама по себѣ могла оставить прочный слѣдъ въ моемъ развитіи. Въ общемъ впечатлѣнія отъ нея остались у меня довольно смутныя, и только воспоминанія о кружкѣ молодыхъ педагоговъ, группировавшихся около дяди Александра, остались навсегда въ моей душѣ соединенными съ представленіемъ о быстро промелькнувшихъ моментахъ моей юной жизни, несомнѣнно наложившихъ на нее свою печать. Но въ чемъ именно сказалось это вліяніе, было бы очень трудно формулировать. Это былъ рядъ мелкихъ, повседневныхъ, интимныхъ впечатлѣній, которыя незамѣтно пока для меня вливались въ мою душу освѣжительной струей.

Трое-четверо изъ молодыхъ пріятелей дяди сообща столовались у насъ, приходили ежедневно завтракать и обѣдать и нерѣдко собирались по вечерамъ. Всѣ они, бодрые, жизнерадостные, оживленные, переживали первые дни медовыхъ мѣсяцевъ своей молодой жизни, откровенно и непринужденно дѣлясь другъ съ другомъ всѣмъ, что зарождалось, бурлило и перерабатывалось въ ихъ молодыхъ умахъ, охваченныхъ идеалистическимъ броженіемъ. И все это происходило на моихъ глазахъ, въ домашней обстановкѣ, просто, по-человѣчески и, конечно, не могло не поражать меня прежде всего контрастомъ между тѣми представленіями о педагогахъ, которыя сложились у меня почти съ дѣтства, и тѣмъ, что я видѣлъ здѣсь. Уже одно было для меня поразительно, какъ юные

педагоги предавались съ необыкновеннымъ азартомъ педагогической «самокритикѣ», не щадя ни самихъ себя, ни другъ друга, ни своихъ коллегъ. Эта самокритика всего чаще происходила во время завтрака (въ большую перемѣну, когда собирались у насъ же въ квартирѣ) и за обѣдомъ, когда еще были особенно свѣжи впечатлѣнія отъ только что оконченныхъ уроковъ, на которыхъ я видѣлъ этихъ «новыхъ» педагоговъ, къ моему изумленію, совсѣмъ, совсѣмъ такими же простыми, ласковыми, искренними и оживленными, какъ и дома. Многіе изъ нихъ, особенно юные и еще неопытные, часто дѣлали педагогическіе «промахи» на своихъ урокахъ и предавались по этому поводу искреннему самобичеванію и покаянію. Мнѣ особенно вспоминается учитель исторіи; худенькій, низенькій, почти еще юноша, въ форменномъ фракѣ съ фалдами чуть не до пятъ, въ золотыхъ очкахъ на большомъ носу, на кончикѣ котораго вѣчно висѣла капелька, онъ былъ какъ-то мило-комиченъ и въ то же время необыкновенно привлекателенъ своей юношеской непосредственностью и душевной чистотой. Лекторъ онъ былъ превосходный; когда онъ разсказывалъ урокъ, самые шаловливые школяры слушали его съ увлеченіемъ; но онъ горько жаловался, что совсѣмъ не умѣетъ задавать уроки, спрашивать ихъ и оцѣнивать познаніе своихъ слушателей, что онъ не умѣетъ дисциплинировать ихъ и они частенько «водятъ его за носъ» (какъ откровенно признавался онъ). Но съ исторіей дѣла могли быть еще поправимы. Не то съ русскимъ языкомъ. Особенно тяжелымъ испытаніямъ пришлось подвергаться въ первое время дядѣ Александру. Схоластическая программа преподаванія русскаго языка въ то время царила еще всюду и неимовѣрно трудно было примирить ее съ преподаваніемъ «по-человѣчески», при всемъ искреннемъ желаніи. Въ то время еще не существовало не только мало-мальски сносныхъ учебниковъ и пособій, но, повидимому, не были выработаны даже и самые методы болѣе раціональ-

наго преподаванія. «Новымъ» педагогамъ приходилось все это вырабатывать самолично, на свой рискъ, опытнымъ путемъ.

Особенно было трудно вѣдаться съ младшими классами. Не легко было заинтересовать маленькихъ школяровъ грамматической и синтаксической схоластикой, вкупѣ съ славянскимъ языкомъ, при всемъ усердіи сдѣлать это по возможности по-человѣчески. Дядя буквально бился какъ рыба въ этихъ схоластическихъ сѣтяхъ, связанный обязательнымъ выполненіемъ программы. А въ то же время ученики старшихъ классовъ, гдѣ взаимное пониманіе между ними и «новыми» педагогами устанавливалось скоро и легко, благодаря живому интересу, который могло возбуждать въ юныхъ умахъ мало-мальски живое преподаваніе теоріи словесности, исторіи и литературы, были въ восторгѣ отъ молодыхъ педагоговъ и чуть не на рукахъ ихъ носили.

И вотъ всѣ эти педагогическіе успѣхи и огорченія молодыхъ педагоговъ служили постоянной темой оживленныхъ бесѣдъ на нашихъ общихъ завтракахъ и обѣдахъ, а также и вечерами, когда опять нерѣдко сходились всѣ у насъ.

Эти вечера однако носили уже не такой спеціальный характеръ: на сцену выступала главнымъ образомъ «литература»; приносились книжки, журналы, статьи, брошюры; читались какія-то таинственныя «секретныя записки», чьи-то объемистыя, получаемыя «съ оказіей», письма изъ-за границы и Сибири... изъ Петербурга и Москвы .. Дядя обыкновенно позволялъ мнѣ присутствовать въ общей компаніи, но только въ началѣ и не больше какъ на полчаса - часъ, а затѣмъ старался предупредительно спровадить меня въ мою комнату, совѣтуя заняться приготовленіемъ уроковъ и не развлекаться «посторонними вещами». Но какъ ни педагогично-предусмотрительно это было со стороны дяди, тонкія стѣнки перегородки довольно свободно пропускали ко мнѣ много

очень интересныхъ и совершенно новыхъ для меня свѣдѣній. Такъ я узналъ, что и дядя, и нѣкоторые изъ его товарищей стояли въ очень близкихъ отношеніяхъ къ извѣстнымъ петербургскимъ и московскимъ литераторамъ, особенно изъ молодыхъ, что нѣкоторые изъ нихъ очень умные и талантливые писатели и что сочиненія ихъ съ большимъ интересомъ читаются всѣми образованными людьми, но при этомъ прибавлялось, что они слишкомъ «горячи», что открыто говорятъ «всю правду», что у нихъ поэтому много враговъ и что, пожалуй, имъ «не сдобровать»... Узналъ я, что значитъ и это таинственное «не сдобровать»: не сдобровало уже и раньше много писателей, — многіе изъ нихъ, говорившіе «всю правду», должны были бѣжать заграницу, другіе были отданы въ солдаты, третьи были сосланы въ Сибирь на поселенье и даже на каторгу, въ рудники... Стоитъ только представить, что обо всемъ этомъ говорилось и читалось большею частью вполголоса, отрывками или полунамеками, чтобы понять, въ какой странной формѣ все это достигало моего сознанія, какой рядъ причудливыхъ, легендарныхъ образовъ создавался изъ этихъ обрывковъ въ моемъ воображеніи, которое уже хранило въ своей глубинѣ туманное отображеніе какихъ-то другихъ столь же причудливыхъ образовъ разныхъ «мучениковъ» и «страстотерпцевъ», о которыхъ въ дѣтствѣ мнѣ такъ часто и столь же таинственными полунамеками разсказывала религіозная легенда въ кухонной избѣ нашего провинціальнаго домика...

Я не хотѣлъ бы однако, чтобы изъ этихъ словъ читатели этихъ записокъ вывели преувеличенное представленіе о степени моего «разумѣнія» въ то время. Увы! эти легендарные образы, несмотря на весь свой трагическій смыслъ, говорили пока моему сознанію не болѣе, чѣмъ тѣ чудовищно-фантастическія сказки, которыя я раньше выслушивалъ отъ своихъ нянекъ съ такимъ трепещущимъ отъ ужаса любопытствомъ: реальный смыслъ ихъ былъ

еще для меня недоступенъ. Несомнѣнно однако, что все это, полусознаваемое мною, складывалось на глубинѣ моей души, неощутимо для меня формируясь въ то сокровенное «святая святыхъ», которое носитъ въ своей груди каждое человѣческое существо и съ которымъ уходитъ въ могилу.

А пока... пока властныя стихіи жизни продолжали ткать таинственную паутину.

Прошло полтора-два мѣсяца, какъ наши оживленные общіе завтраки и обѣды, благодаря какимъ-то хозяйственнымъ неудобствамъ (кажется, просто по непрактичности дяди и черезчуръ уже очевидной недобросовѣстности кухарки), должны были прекратиться, а затѣмъ все рѣже стали собираться и на наши интимные «литературные» вечера, такъ какъ и самъ дядя сталъ все чаще уходить по вечерамъ изъ дома. Иногда онъ бралъ меня съ собой въ тѣ семейные дома, гдѣ были мои сверстники, но чаще я оставался дома одинъ, въ сообществѣ прислуги, которая, пользуясь отсутствіемъ дяди, устраивала у себя на кухнѣ настоящіе журфиксы съ гимназическими сторожами. Начало сбываться то, что предсказывала моя матушка и передъ чѣмъ дѣйствительно спасовалъ дядя: онъ былъ слишкомъ молодъ, слишкомъ самъ еще хотѣлъ жить всѣми «впечатлѣніями бытія», чтобы создать для меня подходящую обстановку, пожертвовавъ для моего воспитанія всѣмъ своимъ молодымъ досугомъ. Сдѣлать это онъ, конечно, былъ не въ силахъ. Занявшись со мною часъ-полтора, онъ забрасывалъ меня «самыми интересными», по его мнѣнію, книгами и затѣмъ оставлялъ одного, вполнѣ увѣренный, повидимому, что для меня было вполнѣ достаточно того уже благотворнаго вліянія, которое, по его мнѣнію, должна была имѣть на меня общая атмосфера «новой» гимназіи. Но онъ ошибался. Меня, привыкшаго къ уюту семейной жизни и свободному раздолью ребячьей улицы, раздражала обстановка номерной жизни; я съ каждымъ днемъ становился нервнѣе и не-

довольнѣе, во мнѣ все сильнѣе росло чувство неудовлетворенности, которое было тѣмъ тяжелѣе, что оно было неопредѣленно и неуловимо. Я уже былъ наканунѣ того критическаго переходнаго отъ отрочества къ юношеству періода жизни, когда молодая натура бываетъ полна неясными, полусознанными, туманными и тѣмъ не менѣе необыкновенно властными порываніями и стремленіями, требующими того или иного исхода. Въ одиночествѣ такой исходъ бываетъ особенно роковымъ. Я былъ положительно окутанъ туманомъ неопредѣленныхъ стремленій и искалъ и не видѣлъ для нихъ исхода. Меня то охватывали религіозно-идеалистическія экзальтаціи: я рѣшалъ «отречься отъ всего», уйти въ келью въ монастырь и здѣсь посвятить себя «подвигу», или взять на себя какой-то «крестъ» и пуститься странствовать по святымъ мѣстамъ, по далекимъ стогнамъ и весямъ; то вдругъ вспыхивала во мнѣ неудержимая страсть къ «грѣховной» жизни, и я, весь пылая внутренно отъ стыда, припадалъ ухомъ къ перегородкѣ, жадно вслушиваясь въ хихикающій шопотъ кухарки съ ея кумомъ; то, наконецъ, подавленный всѣмъ ужасомъ грѣховности и низменности своихъ помышленій, я страстно искалъ спасенія въ созданіи въ своемъ воображеніи идеально-чистаго, «святого» образа дѣвушки, при которой даже самая тѣнь чего-либо «плотскаго» не могла быть терпима. Я былъ безпомощенъ. Дядя, повидимому, и не подозрѣвалъ ничего подобнаго: вѣдь онъ далъ мнѣ для утѣшенія такія интересныя книги. Помню между прочимъ особенно рекомендовавшіеся въ то время для дѣтей «Дѣтскіе годы Багрова-внука» Аксакова, «Разсказы изъ русской исторіи» Ишимовой и т. п. Да, книги были дѣйствительно интересны, но это былъ внѣшній интересъ для меня; онѣ не могли отвѣтить таинственнымъ процессамъ моей души, какъ отвѣчала когда-то ласка матери, ея мистически религіозныя мечты и разсказы, фантастическая сказка няни, какъ отвѣчали еще недавно хотя и не во всемъ понят-

ныя для меня, но все же увлекающія, оживленныя бесѣды у насъ молодежи и тѣ полутаинственныя, полныя трагическаго смысла легенды, къ которымъ я прислушивался съ такою жадностью... Нѣтъ, забитый схоластикой, мой умъ не умѣлъ еще искать и находить въ книгѣ духовнаго друга, да я не подозрѣвалъ о возможности этого. Новые товарищи? Но я не успѣлъ еще сойтись съ ними, встрѣтить среди нихъ близкую по душѣ натуру. А дядя ничего не зналъ этого и не замѣчалъ, по крайней мѣрѣ вначалѣ, просто потому, что онъ самъ весь былъ охваченъ въ этотъ моментъ тоже таинственной, неопредѣленной мечтой, тѣми же властными стремленіями найти исходъ своимъ душевнымъ томленіямъ въ интимной ласкѣ близкаго друга, въ сліяніи съ единочувствующей душой... Проще сказать, дядя былъ влюбленъ.

Какъ-то незадолго до рождественскихъ каникулъ дядя вернулся вечеромъ особенно оживленнымъ и веселымъ. Онъ вынулъ изъ бокового кармана фотографическую карточку и, вставивъ въ рамку, поставилъ на письменный столъ: это былъ портретъ не особенно красивой, но съ замѣчательно симпатичнымъ лицомъ барышни.

— Колька!—сказалъ онъ весело. — Это моя будущая невѣста... Нравится тебѣ?

Я вспыхнулъ какъ зарево. Вотъ лицо идеально-чистой, духовно-прекрасной дѣвушки, при видѣ которой всякая грубая грѣховная мысль была бы преступна! Я уже впередъ «обожалъ» ее. Меня какъ-то внезапно озарила, какъ молнія, мысль, что если бы я могъ видѣть и знать, какъ дядя, такое идеально-чистое существо и «обожать» его, я воскресъ бы и густой туманъ терзавшихъ меня неопредѣленныхъ стремленій разсѣялся бы какъ передъ лучами солнца.

— А вы, дядя, познакомите меня съ нею? — робко спросилъ я.

— Ну, конечно, не теперь только... Послѣ Рождества развѣ...

— Это вы все къ ней ходили?..

— Да... Влюбленъ. Коляка, влюбленъ... Да такую душу нельзя не полюбить!—восторженно сказалъ онъ, похлопывая меня по спинѣ.—Вотъ ты узнаешь послѣ... А ты мнѣ не нравишься, — прибавилъ онъ, всматриваясь въ мое лицо: — ты худѣешь, сталъ вялымъ... да и занятія твои идутъ неважно... Я уже давно сталъ замѣчать... Да, конечно, я виноватъ, кругомъ виноватъ... Оставилъ тебя безъ любви, безъ ласки... Этого ничто не можетъ замѣнить...

И настроеніе дяди, какъ всегда, быстро измѣнилось на мрачное и печальное.

— Надо ѣхать... домой, къ своимъ,—сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія и глубоко вздохнулъ. — Я прежде думалъ, что мы останемся здѣсь... Весело проведемъ праздники вмѣстѣ... съ тобой и друзьями... Нѣтъ, надо ѣхать... Тамъ начались хорошія дѣла... И для тебя надо ѣхать... Ты оживешь у своихъ... А тамъ посмотримъ.

Черезъ недѣлю я ѣхалъ съ дядей опять на родину... чтобы уже никогда не вернуться сюда обратно.

Этотъ промелькнувшій въ моей юношеской жизни короткій эпизодъ, смутный въ общемъ, запечатлѣлся въ моей душѣ нѣкоторыми отдѣльными моментами: такъ остаются дорогими и памятными навсегда моменты зарожденія въ душѣ первыхъ чистыхъ и возвышенныхъ представленій. Здѣсь впервые въ мою душу были брошены сѣмена той «второй легенды»—о высокой миссіи писательства, которая, неощутимо и несознаваемо еще мною, духовно плѣнила меня.

VIII.

Первые шаги на поприщѣ духовнаго преображенія.—Мой новый „храмъ“.

Былъ ясный морозный день, когда мы съ дядей, подъ веселое взвизгиванье полозьевъ, въѣзжали въ нашу «большую улицу». Несмотря на прошедшіе, давніе годы, я

все же помню, что охватившее меня въ то время настроеніе было какое-то новое, необычное, неиспытывавшееся мною раньше; прежде всего оно было несомнѣнно бодрое и радостное, но не отъ того только, что я снова «дома», что сейчасъ опять буду въ привычной обстановкѣ, среди близкихъ, а отъ чего-то другого, небывалаго, что поселилось въ моей душѣ. И это «новое», раньше не испытанное, странно преображало все, что мелькало передъ моими глазами: всѣ эти старыя знакомыя улицы, старыя церкви, дома, люди не были однако прежними,—всѣ они перепутывались въ удивительныхъ сочетаніяхъ съ новыми людьми, зданіями, улицами, по которымъ я недавно ходилъ, и все это приняло видъ чего-то какъ будто вновь окрашеннаго, омытаго, веселаго и бодраго... Вотъ мелькнула наша старая гимназія, и мнѣ бросилось въ глаза, что это не она, прежняя, а другая, заново выкрашенная, весело обливаемая яркими лучами солнца, что входившія и выходившія изъ нея лица были уже не прежнія, въ родѣ Аргуса или «поэтическаго» сѣкатора, а какія-то иныя, преображенныя или совсѣмъ другія, тѣ, которыхъ я только что нѣсколько дней назадъ видѣлъ такъ близко... А вотъ и домъ дворянскаго собранія, съ которымъ у меня, благодаря судьбѣ, соединилось столько отрадныхъ и жуткихъ впечатлѣній; вотъ и онъ мелькнулъ передомною уже совсѣмъ «преображеннымъ»: вмѣсто прежней облѣзлой и тусклой желтой краски онъ блестѣлъ яркой бѣлизной, новымъ вестибюлемъ и...и новой, какъ «съ иголочки», игравшей золотистымъ переливомъ и окаймлявшей полукруглый уголъ его фронтона вывѣской: «N-ская публичная библіотека»! О, я уже теперь знаю, что это такое!.. Вотъ они, эти маленькія существа, которыя попадаются намъ навстрѣчу въ фуражкахъ съ красными околышами и которыхъ обзываютъ такъ грубо «красной говядиной» и среди которыхъ попался бы и я раньше,—они и не подозрѣваютъ, что это такое вдругъ появилось на нашей «большой улицѣ» подъ

этой невиданной раньше вывѣской, какая удивительная тайна легендъ скрывается подъ нею... Нѣтъ, я уже не тотъ, не «прежній», что былъ всего четыре мѣсяца тому назадъ! И смутное ощущеніе этого «новаго», что я несъ теперь въ своей душѣ, все то, что еще такъ недавно пережилъ я какъ бурный безсознательный порывъ тайныхъ и жуткихъ противорѣчивыхъ душевныхъ томленій, все это сказалось теперь смутнымъ сознаніемъ зарождающейся возмужалости, сопровождавшимся своеобразнымъ чувствомъ тайной гордости.

Съ этимъ настроеніемъ я подъѣзжалъ къ нашему маленькому домику, находившемуся вблизи окраинъ. Какъ нарочно, и онъ вдругъ всталъ передо мной «преображеннымъ», словно отвѣчалъ моимъ тайнымъ ощущеніямъ! Мнѣ стало еще больше весело и радостно. Нашъ небольшой пятиоконный домикъ, который еще недавно оставилъ я покосившимся уже на одинъ бокъ, съ заросшей плѣсенью и мѣстами продырявленной крышей. съ тускло чернѣвшими бревнами старыхъ стѣнъ,—теперь обитый тесомъ, окрашенный свѣжею охрой, съ починенной крышей и даже съ придѣланнымъ съ боку «парадныхъ» крыльцомъ,—являлся поистинѣ «преображеннымъ», хотя и занесеннымъ попрежнему глубокими сугробами до самыхъ оконъ.

Выскочивъ изъ кибитки, я, какъ бомба, выражаясь по-школярски, влетѣлъ неожиданно въ комнаты и, наскоро сбросивъ теплое одѣяніе, наскоро поцѣловавъ перепуганную матушку, залившуюся слезами отъ неожиданной радости, наскоро перечмокавъ мелюзгу — братьевъ и сестеръ, я, сопровождаемый, какъ свитой, этой щебечущей мелюзгой, быстро пронесся нѣсколько разъ по всѣмъ комнатамъ. ища всюду «преображенія». Да, оно было и здѣсь: были выбѣлены потолки, двери и окна, стѣны были оклеены новыми дешевыми обоями, по которымъ такъ весело играли врывавшіеся въ окна солнечные «зайчики», а въ гостиной, которая была длиной всего

въ 5 аршинъ, стояла новая «мягкая» мебель: диванъ, шесть стульевъ и круглый столъ!.. Это было невѣроятно!

— Это все безъ тебя! Все безъ тебя!—щебетала вокругъ меня мелюзга.—Очень папаша торопился все отдѣлать къ зимѣ... У насъ все разные гости собирались... Много гостей! А книгъ, книгъ сколько было... Цѣлые ящики... Все разбирали... Теперь ихъ увезли въ собраніе.

— Хорошо здѣсь стало!—воскликнулъ я съ наивной радостью.

— Хорошо, Николенька, хорошо у насъ дома!—подхватила, обрадовавшись, матушка,—А будетъ и еще лучше... Не хуже, чѣмъ въ чужихъ мѣстахъ... Можетъ быть, и лучше будетъ на своей-то родинѣ,—на что-то намекала она дядѣ Александру.

— Я очень буду радъ за всѣхъ васъ, сестрица,—нѣсколько смущенно говорилъ дядя.—Я, конечно, немного виноватъ... Не сумѣлъ сдѣлать многаго или, лучше, не успѣлъ... Но все же, я не сомнѣваюсь, Коля увидалъ и узналъ кое-что новое и доброе... Это для него не пройдетъ безслѣдно...

Дядя продолжалъ бесѣдовать еще съ матушкой, а я уже опять натягивалъ теплое пальто.

— Теперь въ библіотеку!.. Сережа, идемъ!—крикнулъ я брату.—Всѣ тамъ? и дядя Сергѣй, и папаша?..

— Всѣ, всѣ!...

Матушка тщетно старалась меня удержать, чтобы «хоть немножко наглядѣться» на меня. Черезъ десять минутъ я съ братишкой уже былъ въ дворянскомъ домѣ, въ «нашей» библіотекѣ. Въ первой же комнатѣ кипѣла работа; здѣсь были и отецъ, и дядя Сергѣй въ студенческомъ мундирѣ, и еще три-четыре студента изъ семинаристовъ; одни распаковывали книги изъ тюковъ и ящиковъ, другіе вписывали ихъ въ каталоги и сортировали, третьи наклеивали на корешки номера и ставили въ шкафы... Какъ все это было весело, ново и интерес-

но!.. Такъ замѣчательно свѣжо пахло сосной и масляной краской отъ новыхъ шкафовъ, такъ ново было ощущать особый запахъ печатной бумаги, шедшій отъ этихъ, такъ весело лежавшихъ на столахъ въ разноцвѣтныхъ повенькихъ сорочкахъ, только что полученныхъ стопокъ книжекъ... Какъ и дома, я было вихремъ пронесся по всѣмъ комнатамъ, жаждая сразу захлебнуться новизной впечатлѣній; но тотъ торжественно-строгій покой, который окружалъ всѣхъ стоявшихъ въ шкафахъ новыхъ таинственныхъ обитателей этихъ большихъ комнатъ, какъ-то вдругъ заставилъ меня сконфуженно притихнуть: я вспомнилъ, что я уже вѣдь зналъ кое-что очень важное про этихъ таинственныхъ обитателей... И я тихо и медленно, почти съ благоговѣніемъ и трепетомъ, какъ въ церкви, сталъ робко всматриваться въ новый, окружившій меня міръ явленій. Да, это было дѣйствительно что-то новое и необычайное не только для меня, но и для громаднаго большинства обитателей нашего города. Оказалось, что это была не только библіотека, но цѣлый музей, устроенный и съ знаніемъ дѣла, и со вкусомъ. При очень скудныхъ личныхъ средствахъ отецъ сумѣлъ привлечь къ дѣлу сочувствіе наиболѣе энергичной интеллигенціи и при ея содѣйствіи сосредоточить здѣсь все то мѣстное культурное богатство, которое до той поры, пренебреженное и заброшенное, терялось, какъ никому ненужное, по разнымъ темнымъ угламъ. Благодаря этому четыре большихъ комнаты оказались заполненными сверху донизу. Первая за конторой комната, съ длиннымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, играла роль читальни, а шкафы были наполнены современной, такъ сказать «текущей», наиболѣе разсчитанной на спросъ литературой; въ слѣдующей, въ торжественномъ покоѣ, изъ-за стеклянныхъ рамъ смотрѣли увѣсистые фоліанты, въ несокрушимыхъ кожаныхъ переплетахъ, содержавшіе въ себѣ произведенія всѣхъ тѣхъ почтенныхъ покойниковъ—отъ Ломоносова и Сумарокова до князя Шаликова и адмирала Шишкова,

которыхъ читатели любятъ «уважать», но очень рѣдко читаютъ. Это были археологическіе остатки кѣмъ-то основанной еще въ 30 годахъ общественной библіотеки, давнымъ-давно прекратившей свое существованіе; о ней помнили только старожилы да напоминали эти внушительные томы, которые были цѣлые годы погребены въ какомъ-то сыромъ архивѣ. И вотъ они опять увидѣли и свѣтъ, и солнце, и новыхъ людей, а новые люди снова вспомнили произведенія почтенныхъ дѣятелей, любуясь на ихъ переплеты изъ телячьей кожи, но не рискуя погружаться въ ихъ содержимое. Остальныя двѣ комнаты были заняты отчасти этнографическимъ, отчасти сельскохозяйственнымъ музеемъ, представлявшимъ, кажется, довольно безсистемное собраніе всевозможныхъ предметовъ, но все же разнообразное и интересное настолько, чтобы привлекать публику для обозрѣнія. Наконецъ, къ довершенію всего, въ библіотечныхъ комнатахъ, въ простѣнкахъ между окнами, на бѣлыхъ тумбахъ внушительно красовались большіе гипсовые бюсты Пушкина и Гоголя и такихъ «великихъ людей», какъ слѣпой Гомеръ и большеголовый лысый Сократъ, которые рѣшительно ничего не могли говорить сердцу нашего ординарнаго обывателя и исключительно служили только для вящшаго его устрашенія вмѣстѣ съ археологическими фоліантами старой библіотеки.

Итакъ, вотъ какой новый «храмъ» былъ воздвигнутъ въ то время у насъ «преображенными» людьми,—храмъ, который надолго, хотя и «поверженный» вскорѣ, оставался для меня храмомъ, съ которымъ меня навсегда связали интимныя нити духовной жизни.

Меня уже на слѣдующій день прикомандировали къ библіотекѣ помогать старшимъ. Надо было торопиться все привести въ порядокъ къ предстоявшему послѣ праздниковъ экстренному дворянскому собранію, чтобы предстать во всемъ блескѣ передъ очами «просвѣщеннаго сословія». Я былъ польщенъ необыкновенно и съ азартомъ

новопосвященнаго принялся за дѣло, вписывая съ такимъ усердіемъ заглавія книжекъ въ каталоги или наклеивая на корешки номера, какъ будто я священнодѣйствовалъ. Помню, что съ такимъ же сознаніемъ важности дѣла я священнодѣйствовалъ, когда меня, десятилѣтняго мальчика, прикомандировали къ алтарю помогать дѣду: съ какимъ благоговѣйнымъ трепетомъ подавалъ я тогда дѣду большую свѣчу во время выхода съ евангеліемъ или съ дарами, держалъ «теплоту» во время причастія. И чуть ли не съ такимъ же благоговѣйнымъ трепетомъ я прикасался теперь къ каждой книжкѣ. Насколько, всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, я былъ безнадежно-равнодушенъ ко всякой книгѣ, настолько теперь я, можно сказать, обожалъ тоже всякую книжку, безъ малѣйшаго отношенія къ ея содержанію, точь въ точь такъ, какъ я заочно обожалъ невѣсту дяди Александра... по одной фотографической карточкѣ! Такими парадоксальными скачками, но неудержимо, совершалось мое собственное «преображеніе».

Не слѣдуетъ однако думать, что я теперь только и дѣлалъ, что священнодѣйствовалъ. Я далеко не былъ такимъ «паинькой». Напротивъ, я съ еще большимъ увлеченіемъ каждый вечеръ посвящалъ уличному спорту съ моими прежними сподвижниками по этой части, тѣмъ болѣе, что я теперь въ ихъ глазахъ не былъ уже «прежнимъ». а былъ герой, на цѣлую голову переросшій ихъ всѣхъ, побывавшій чуть ли не въ другой части свѣта, о чемъ имъ и во снѣ не могло сниться. А одно священнодѣйствіе въ библіотекѣ чего стоило въ ихъ глазахъ! Кто изъ нихъ былъ еще другой, который бы удостоился такъ близко стоять къ этому новому, таинственному храму? Кто могъ имъ, кромѣ меня, передать о всѣхъ тайнахъ этого храма и «другихъ странъ свѣта?» Такимъ образомъ мало-по-малу преображался и спортъ нашей ребячьей улицы.

IX.

Наканунѣ освободительной битвы.— Скрытый масонъ.—Обольщенія „высшей“ культуры.

Начало нынѣшнихъ рождественскихъ каникулъ, наканунѣ 60-го года, отличалось совершенно своеобразнымъ характеромъ. Наша семья вмѣстѣ съ близкими знакомыми была охвачена лихорадочной подготовительной дѣятельностью къ чему-то, далеко не говорившему о близкомъ праздничномъ отдыхѣ и покоѣ. Отецъ что называется разрывался на части: никогда, кажется, не сваливалось на него столько обязанностей и заботъ, какъ въ эти дни. Воспользовавшись пріѣздомъ молодежи, онъ тотчасъ же сдалъ все устройство библіотеки въ ея руки, забѣгая въ нее только урывками. Съ ранняго утра онъ уже бѣжалъ въ дворянскій домъ, гдѣ, въ качествѣ временнаго секретаря дворянства и вмѣстѣ смотрителя, онъ слѣдилъ за спѣшнымъ приведеніемъ къ концу обширнаго ремонта дома, долженствовавшаго предстать передъ ожидавшимся необычно большимъ съѣздомъ дворянскихъ депутатовъ во всемъ возможномъ блескѣ; въ полдень онъ ѣхалъ къ предводителю съ кипой докладовъ, а затѣмъ въ комитетъ по крестьянскому дѣлу. Спѣшно пообѣдавъ, онъ уже бѣжалъ опять на частное собраніе къ Николаю Яковлевичу, а вечеромъ долго бесѣдовалъ съ дядей Александромъ, читая какіе-то обширные доклады съ длиннымъ рядомъ цифръ, которые онъ писалъ по ночамъ. Нерѣдко по вечерамъ же къ намъ забѣгалъ самъ Николай Яковлевичъ, одинъ или съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ дворянъ; не раздѣваясь, они наскоро наводили какія-то справки, о чемъ-то шептались и съ нервной торопливостью бѣжали опять куда-то или же, такъ. нераздѣтые, просиживали за переговорами цѣлые часы. И отецъ, и Николай Яковлевичъ все время были въ такомъ возбужденно-нервномъ настроеніи, въ какомъ я ихъ еще никогда не видывалъ. Очевидно, готовились событія большой важности, смыслъ

которыхъ для меня былъ однако еще скрытъ подъ таинственной завѣсой. Какъ-то, кажется, въ сочельникъ, уже вечеромъ поздно, прибѣжалъ Николай Яковлевичъ, и съ взволнованной торопливостью передалъ отцу пачку свѣжихъ брошюръ.

— Уже готово?—спросилъ отецъ.

— Готово. Вотъ это для вашей библіотеки и для продажи.

— Такъ ничего и не измѣнили?

— Нѣтъ!—выразительно сказалъ Николай Яковлевичъ и, съ отчаянной рѣшимостью махнувъ рукой, убѣжалъ опять.

Отецъ ничего не сказалъ, но тотчасъ же спряталъ брошюры въ ящикъ стола и заперъ на ключъ, можетъ быть, обезпокоенный моимъ присутствіемъ.

Содержаніе этой брошюры, очень серьезной, какъ тогда говорили, по опубликованнымъ даннымъ, я теперь уже не помню; вѣроятно. я, если и читалъ тогда ее, то мало понялъ, такъ какъ она была наполнена статистическими таблицами, въ которыхъ я тогда совершенно не умѣлъ разбираться. Но это была та брошюра, которая подала поводъ къ ожесточенной полемикѣ между представителями мѣстнаго общества. Въ ней были сгруппированы чрезвычайно рѣзкіе выводы относительно экономическаго и правоваго положенія крѣпостныхъ крестьянъ...

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія этой брошюры нашего экспансивнаго Николая Яковлевича уже не было въ нашемъ городѣ...

Рождественскіе праздники продолжали проходить у насъ въ той напряженно-дѣловитой атмосферѣ, которая такъ не похожа была на прежнее неизреченно-благодушное настроеніе, съ которымъ они проводились обыкновенно раньше.

Нужно прибавить, что, благодаря общему возбужденію, порожденному все болѣе проникавшими въ глубь провинціи слухами о реформахъ, нашъ домъ, особенно теперь,

въ свободное праздничное время, сталъ буквально осаждаться разнообразными обывателями глухой провинціи—и дальними родственниками, и знакомыми изъ бѣднаго сельскаго духовенства, и кое-кѣмъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, и, наконецъ, совсѣмъ незнакомыми, преимущественно изъ крестьянъ «какъ мужеска, такъ и женска пола», которые шли и ѣхали къ намъ для «провѣрки» разныхъ «слуховъ», тревожившихъ ихъ своей настойчивостью и часто невѣроятностью. Въ объясненіяхъ съ ними, за частымъ отсутствіемъ отца, приходилось принимать участіе всѣмъ намъ: и матушкѣ, и дядямъ, и даже иногда мнѣ. Объясняться съ ними приходилось мнѣ, конечно, мало, но слушалъ и наблюдалъ я ихъ съ большимъ интересомъ. Среди нихъ было не мало очень своеобразныхъ личностей; нѣкоторые изъ нихъ были мнѣ раньше хорошо звакомы, какъ давнишніе посѣтители нашей кухни и излюбленные собесѣдники моей матери. Впослѣдствіи образы ихъ часто всплывали въ моемъ воображеніи со всей ихъ своеобразной поучительностью.

Между тѣмъ, чѣмъ ближе къ новому году, тѣмъ все больше нашъ городъ началъ наполняться дворянами изъ уѣздовъ. Каждый день все новые возки, кибитки и старинные дормезы шестернями и цугами мчались по большой и дворянской улицамъ, развозя по гостиницамъ и знакомымъ домамъ дворянскія семьи. Нашъ малонаселенный и скучный городокъ въ этомъ случаѣ оживлялся необыкновенно, а въ этотъ годъ особенно. Немногочисленныя гостиницы переполнялись быстро, магазины и лавки торговали такъ только одинъ разъ въ три года, всѣ чистыя отдѣленія гостиницъ кишѣли гостями, которые за одну недѣлю окупали цѣлый годъ. Портные и модистки изнемогали подъ бременемъ заказовъ. На улицахъ царило давно невиданное оживленіе. Дворянскій домъ съ утра до вечера осаждался дворянами, заглядывавшими въ него, подъ видомъ разныхъ «справокъ», главнымъ образомъ съ цѣлью повидаться и побесѣдовать другъ съ

другомъ, а такъ какъ ихъ, до публичныхъ собраній, въ главныя залы пока не пускали, то они, узнавъ о существованіи библіотеки, цѣлыми толпами стали «обозрѣвать» ее, не столько интересуясь тѣмъ, что въ ней есть, сколько возможностью покурить и поболтать съ пріятелями. Какъ ни интересно было для меня увидать и наблюдать сразу такое множество разнообразныхъ представителей передового сословія, но я былъ очень огорченъ, когда въ концѣ-концовъ, съ началомъ депутатскихъ засѣданій, мой «храмъ» былъ превращенъ въ буфетную и раздѣвальню, а посѣтители совершенно забыли о его спеціальномъ назначеніи.

Наступилъ новый годъ. Заново, роскошно, по тому времени, отдѣланныя залы дворянскаго дома должны были впервые открыться для избранной публики: сегодня былъ назначенъ литературно-музыкальный вечеръ съ танцами. Отецъ волновался уже съ утра, такъ какъ предполагался «генеральный» обходъ всего дома предводителемъ съ депутатами, а вмѣстѣ и библіотеки. Отецъ, уходя, сказалъ, чтобы я и дядя Сергѣй приходили къ 12 часамъ въ библіотеку на помощь ему. Это меня тоже не мало волновало, тѣмъ болѣе что отецъ обѣщалъ взять меня на литературный вечеръ. До сихъ поръ я никогда не присутствовалъ на свѣтскихъ торжественныхъ собраніяхъ, кромѣ довольно вялыхъ и офиціальныхъ гимназическихъ актовъ и единственнаго случая, когда насъ, гимназистовъ, водили въ дворянскую залу на угощеніе конфетами по случаю пріѣзда какого-то высокаго гостя.

Мы съ дядей уже давно были на своемъ посту въ библіотекѣ, когда, наконецъ, обойдя залы дворянскаго дома, предводитель съ нѣкоторыми депутатами и канцелярской свитой появился въ библіотекѣ. Мнѣ уже давно хотѣлось побольше узнать этого «таинственнаго» для меня предводителя, имя котораго чуть не ежедневно упоминалось въ нашемъ домѣ, а въ нашихъ интеллигентскихъ компаніяхъ его иначе не называли, какъ «старый»

или «скрытый масонъ». Вначалѣ это прозвище меня мало интересовало, но когда по пріѣздѣ нашемъ дядя Александръ, какъ-то обращаясь къ отцу, спросилъ: «ну, а какъ же вашъ скрытый масонъ поживаетъ?» я тутъ же присталъ къ нему за разъясненіемъ. Хотя изъ краткихъ полунамековъ дяди я могъ понять только, что нашъ предводитель когда-то, въ очень давнее время, принадлежалъ къ какому-то «тайному недозволенному сообществу, распространявшему запрещенныя сочиненія», однако это меня сильно теперь заинтересовало. Такъ вотъ онъ каковъ, этотъ «нашъ» предводитель! Онъ, значитъ, тоже косвенно прикосновенъ къ той легендѣ, тайны которой еще недавно только чуть раскрылись передо мной. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ его «увидать поближе», такъ какъ до сихъ поръ я видѣлъ его только издали, когда онъ пріѣзжалъ иногда въ гимназію въ качествѣ попечителя или присутствовалъ на гимназическихъ актахъ.

Это былъ уже очень почтенный старичокъ, средняго роста, сутуловатый, высохшій, какъ стручокъ, на необыкновенно подвижныхъ тоненькихъ ножкахъ, съ головой, покрытой жидкими сѣдыми волосами, которые онъ, повидимому, старался причесывать «по-суворовски»; черты его бритаго сухого лица, съ такимъ же длиннымъ сухимъ носомъ, были тоже чрезвычайно подвижны, а маленькіе сѣрые добродушно-острые глазки бѣгали съ предмета на предметъ, какъ мышата. Облаченный, какъ въ ризу, въ расшитый золотомъ дворянскій мундиръ, съ треуголкой подъ мышкой, онъ казался мнѣ сначала комичнымъ.

— Не правда ли, какъ это все хорошо! Что? а? Какъ это умно!.. А? Что? Не правда ли? А? Что?—быстро говорилъ онъ, перебѣгая глазами съ одного спутника на другого и переходя отъ шкафа къ шкафу, когда отецъ давалъ ему объясненія.

— Благодарю, благодарю тебя, Николай Петровичъ,—

говорилъ онъ отцу.—Ты мнѣ удружилъ этимъ, какъ никогда... Да... А? Что?.. Я очень радъ, что могъ тебѣ помочь въ этомъ... Давно, давно пора было!.. Не правда ли? А? А вѣдь вотъ, кромѣ него, никто этого не придумалъ... А? Что?—продолжалъ онъ сыпать своей любимой поговоркой.

— А это кто?—вдругъ спросилъ онъ, нечаянно замѣтивъ меня, спрятавшимся за бюстъ Гомера.

— Гомеръ, ваше —ство,—подсказалъ кто-то.

— Нѣтъ, нѣтъ... Вотъ кто это спрятался тутъ...

— Это, ваше —ство, мой старшій сынъ,—сказалъ отецъ, извлекая меня, краснаго какъ кумачъ, за рукавъ изъ-за Гомера.—Мой помощникъ,—прибавилъ отецъ.

— Это твой помощникъ?.. А? Что?.. Ты понимаешь, мальчикъ, что это значитъ? Помощникъ?.. А? Что?.. Понимаешь?—вдругъ спросилъ онъ меня.—Вѣдь это твое счастье, мальчикъ, рѣдкое счастье... Понимаешь?.. Вѣдь до твоего отца ничего здѣсь этого не было... Люби отца, люби и помогай ему всю жизнь... А? Что?..—спрашивалъ онъ меня, ласково играя глазами и обращая ко мнѣ ухо. Но я только въ отвѣтъ краснѣлъ и пыхтѣлъ.

— Хорошо, очень хорошо!.. Благодарю тебя, Николай Петровичъ, еще разъ... Ты очень удружилъ мнѣ. Я радъ, очень радъ, что это устроилось при мнѣ,—говорилъ онъ при уходѣ:—это честь мнѣ и вамъ, господа... А? Что? Не правда ли?—обратился онъ къ депутатамъ.

Но я уже не слыхалъ, что ему отвѣчала его свита за дверями. Я схватилъ фуражку и побѣжалъ домой, чтобы подѣлиться новыми впечатлѣніями. Признаться сказать, мнѣ «нашъ» маленькій предводитель, этотъ «скрытый масонъ», очень тогда понравился и я радовался при мысли, что именно онъ будетъ покровителемъ моего новаго «храма». Но—увы!—я и не предполагалъ, что дни его предводительствованія уже сочтены. Мнѣ съ нимъ, спустя нѣсколько лѣтъ, пришлось снова видѣться и даже бесѣдовать, но уже совсѣмъ при иныхъ условіяхъ.

Какъ ни заинтересовала меня личность стараго масона, уложенная, какъ въ футляръ, въ дворянскую ризу, но мысль, что сегодня вечеромъ я, мальчикъ уличнаго спорта, впервые буду присутствовать на «торжественномъ» собраніи въ честь литературы и искусства (такъ въ моемъ воображеніи рисовался мнѣ предстоящій литературно-музыкальный вечеръ), поглощала все мое существо. Я читалъ и безъ конца перечитывалъ афишу съ таинственными для меня именами артистовъ. Еще раньше долетали до меня слухи, что «передовые» дворяне рѣшили нынче устроить концертъ съ небывалой помпой, чтобы «подготовить настроеніе», что кто-то изъ нихъ долженъ былъ «привезти» изъ Москвы крупныя артистическія силы. И вотъ я былъ «тамъ», въ роскошномъ залѣ, сіяющемъ отъ тысячи «калетовскихъ» свѣчей въ люстрахъ и канделябрахъ, переполненномъ разодѣтой дворянской публикой... Я слышалъ «знаменитаго» комика Живокини, читавшаго изъ Беранже и изъ «Горя отъ ума», слушалъ чарующіе звуки скрипача-виртуоза, переливчатыя трели «самодѣльныхъ» пѣвицъ и пѣвцовъ-любителей и «видѣлъ», какъ читалъ что-то «смѣшное» изъ Щедрина извѣстный мнѣ «передовой» дворянинъ, добродушный толстякъ-юмористъ, часто бывавшій у насъ. О Щедринѣ я тогда не имѣлъ еще никакого понятія, но слышалъ, какъ говорили, что чтеніе «изъ него» публично считалось тогда очень рискованнымъ «либеральнымъ» выступленіемъ... Впечатлѣніе на меня было въ полномъ смыслѣ ошеломляющее... Это было для меня настоящей фееріей... Моей юной души впервые коснулось обольщеніе блескомъ «высшей» культуры, и, Богъ вѣсть, сколько въ этотъ вечеръ всколыхнулось въ моей душѣ темныхъ, еще несознанныхъ стремленій, инстинктовъ, порывовъ... Въ сущности весь этотъ литературно-музыкальный вечеръ былъ, конечно, не больше какъ житейская мелочь, на которую мы привыкли смотрѣть съ обыденной точки зрѣнія, какъ на явленія эфемерныя и преходящія. Но сколько разъ

пришлось мнѣ убѣждаться, какое огромное значеніе могутъ имѣть эти мелочи на дальнѣйшую судьбу иного юнаго существа. Не рѣдко это вліяніе бываетъ болѣе роковымъ и рѣшающимъ въ его жизни, чѣмъ иныя крупныя и трагическія событія, которыя могутъ сильно поразить его временно, но не затронуть глубоко его внутренняго духовнаго существа.

X.

Генеральное сраженіе.—Старая гимназія и мои странствованія въ „величественномъ лѣсу“.—Моя новая миссія и новое противоядіе „всей системѣ“.

Слѣдующіе дни я былъ еще весь подъ впечатлѣніемъ этого феерическаго для меня вечера, а между тѣмъ вокругъ меня разыгрывались событія чрезвычайной важности въ жизни и нашей семьи, и многихъ другихъ. На другой же день послѣ концерта съ утра начались засѣданія дворянскихъ депутатовъ. Отецъ уходилъ рано и возвращался поздно, усталый и взволнованный. Обыкновенно его уже ожидали у насъ дяди и кто-нибудь изъ знакомыхъ, жаждавшіе узнать изъ первыхъ рукъ о ходѣ дѣла.

— Ну, теперь начинается!—однажды сказалъ, возвратившись, отецъ:—Я очень боюсь за Николая Яковлевича, его такъ разносятъ, что хоть не показывайся... Брошюру его читаютъ нарасхватъ... Шумъ, гамъ, споры, чуть не до драки... Признаться, даже я не ожидалъ, что у насъ такъ много еще крѣпостниковъ. Завтра, поди, будетъ генеральное сраженіе.

Что это предстояло за генеральное сраженіе, между кѣмъ и почему, я все еще понималъ очень смутно, но меня снова охватило такое страстное желаніе опять увидать роскошный дворянскій залъ, переполненный народомъ, такая жажда новыхъ впечатлѣній, что я неотступно приставалъ къ отцу взять меня завтра съ собой «поглядѣть хоть въ щелку» на то, что происходитъ въ собраніи.

— Ну, хорошо,— сказалъ онъ,— приходи завтра въ библіотеку... Тамъ увидимъ.

Дворянскій домъ съ вереницей подъѣзжавшихъ къ подъѣзду богатыхъ саней и каретъ выглядѣлъ внушительно. Сѣдой швейцаръ въ маскарадномъ костюмѣ, съ булавой и въ треуголкѣ, такъ угрожающе посматривавшій на кучеровъ и лакеевъ, оказался давно знакомымъ мнѣ добродушнымъ старикомъ сторожемъ, который чуть ли не носилъ меня еще на рукахъ; онъ, конечно, тотчасъ же милостиво отворилъ мнѣ двери недоступнаго теперь для многихъ смертныхъ святилища. Я быстро, какъ мышь, проскользнулъ между рядами лакеевъ въ библіотеку, которая теперь, какъ я уже говорилъ, была закрыта для читателей и превращена въ раздѣвальню и буфетъ, а затѣмъ заднимъ ходомъ поднялся наверхъ, въ «парадныя» комнаты, гдѣ отецъ и помѣстилъ меня около полуотворенной двери, ведущей въ залъ. Все то же, какъ и на концертѣ, все такъ же чинно и торжественно сидитъ публика, только ея меньше и вся она во фракахъ и мундирахъ, да на эстрадѣ за длиннымъ столомъ, вмѣсто артистовъ, блестѣлъ золотомъ шитыхъ мундировъ цѣлый рядъ важныхъ дворянскихъ особъ... Кто-то что-то читалъ долго и утомительно... Кто-то что-то возражалъ... До меня долетали только смутные звуки... Но вотъ чтеніе стало прерываться какими-то возгласами, потомъ шиканьемъ... Потомъ вдругъ какъ что-то сорвалось, и залъ наполнился невообразимымъ шумомъ: громкіе аплодисменты, шиканье, угрожающіе крики, грохотъ стульевъ и топотъ ногъ—все перемѣшалось... Я ничего не понималъ и какъ-то невольно, сгорая любопытствомъ, просунулъ голову въ дверь, какъ вдругъ отецъ, замѣтивъ меня, взволнованный и блѣдный, схватилъ меня за руку и сказалъ: «Ступай домой... сейчасъ же!.. Больше тебѣ нечего здѣсь дѣлать».

А вечеромъ, когда собрались всѣ наши, ожидая съ нетерпѣніемъ возвращенія отца, онъ, усталый и удрученный, сказалъ, вернувшись: «Ну, теперь шабашъ!.. *Нашъ*

старикъ окончательно заявилъ, что онъ уходитъ и больше баллотироваться не будетъ»... А затѣмъ онъ долго сообщалъ о томъ, какъ позорно вели себя крѣпостники, что никто этого не ожидалъ, что они чуть не сорвали все засѣданіе, бросившись, схвативъ стулья, на передовыхъ дворянъ и членовъ отъ правительства, что нѣкоторые угрожали даже предводителю, что старикъ былъ очень огорченъ... Отецъ еще долго передавалъ эту эпопею «генеральной битвы»; между прочимъ меня въ ней тронуло то, что касалось «нашего стараго масона», который почему-то особенно сталъ близокъ моему сердцу послѣ знакомства въ библіотекѣ, и мнѣ казалось, что съ уходомъ его должно было что-то круто измѣниться и въ нашей семьѣ.

Извѣстія, принесенныя отцомъ, дѣйствительно были очень тревожны, тѣмъ болѣе, что, какъ я узналъ впослѣдствіи, на этомъ роковомъ засѣданіи былъ прочитанъ и докладъ моего отца кѣмъ-то изъ передовыхъ дворянъ (такъ какъ самъ отецъ, не будучи дворяниномъ, не имѣлъ права читать его отъ своего имени), который очень не понравился большей части крѣпостниковъ, знавшихъ, что его одобряетъ и самъ предводитель. Такимъ образомъ судьба нашей семьи была близко связана съ «старымъ масономъ», въ непосредственно-близкихъ отношеніяхъ къ которому мой отецъ стоялъ три трехлѣтія. Всѣ мы теперь съ тревогой ожидали исхода дворянскихъ выборовъ. Опасались, что крѣпостники проведутъ своего кандидата, но побѣдили умѣренные, выбравъ въ предводители добродушнаго «мягкотѣлаго» дворянина, неспособнаго ни на какую крутую инпціативу и не желавшаго круто порывать съ традиціями стараго предводителя. Такимъ образомъ все осталось какъ будто пока по-старому, только какъ-то вскорѣ таинственно исчезъ Николай Яковлевичъ, котораго я встрѣтилъ спустя уже болѣе десяти лѣтъ, да старый масонъ ушелъ на покой. Но онъ былъ привязанъ къ отцу и часто вызывалъ его къ себѣ «побесѣдовать».

— Вѣдь мы сдѣлали свое дѣло? Не правда ли? А? Что?—любилъ онъ повторять каждый разъ, когда приходилъ къ нему отецъ.—Вѣдь ужъ теперь этого дѣла не передѣлаешь? Какъ ты думаешь? А? Что? Ну, я и радъ... Я сдѣлалъ свое дѣло... И мнѣ пора на покой!..

Такъ закончилась въ нашемъ захолустьѣ «освободительная битва» почти наканунѣ 19 февраля.

Наконецъ, праздничное настроеніе въ нашемъ городкѣ стало стихать; дворяне разъѣзжались; а я съ нетерпѣніемъ ждалъ того дня, когда наконецъ мой новый храмъ освободится отъ дворянскихъ шубъ и бутербродовъ и я, наконецъ, снова начну въ немъ священнодѣйствовать.

Наступилъ этотъ день, библіотека была открыта для публики, и я уже съ утра съ величайшимъ удовольствіемъ поселился среди ея безгласныхъ обывателей. Но въ этотъ же день уѣзжалъ обратно въ свой Z и дядя Александръ. Удивительное дѣло, во всѣ каникулы никто изъ насъ не обмолвился ни однимъ словомъ о «новой» гимназіи и о моей обратной туда поѣздкѣ, какъ будто я никогда въ ней не бывалъ. И только теперь вдругъ этотъ вопросъ всталъ во всей его реальной наготѣ.

— Ну что жъ, Коляка, поѣдешь со мной назадъ?—спросилъ меня дядя, когда я съ необыкновеннымъ интересомъ погрузился въ разглядываніе какихъ-то роскошныхъ иллюстрацій.

Я вспыхнулъ отъ неожиданности. Мнѣ почему-то казалось, что этотъ вопросъ уже давно рѣшенъ.

— Нѣтъ, дядя,—твердо отвѣчалъ я,—я не поѣду теперь.

— Ну, я такъ и зналъ, сказалъ онъ улыбаясь.—Отъ добра добра не ищутъ. Такъ, что ли? Ну, прощай!—грустно прибавилъ онъ, цѣлуя меня.

И мнѣ вдругъ такъ стало жалко и его, и «новой» гимназіи, что я чуть не расплакался и со слезами на глазахъ бросился ему на шею.

— Не плачь,—сказалъ онъ:—и въ вашей гимназіи

скоро будетъ лучше. Помогай папѣ! Теперь передъ тобой хорошее дѣло,—кивнулъ онъ на шкафы съ книгами.

Вотъ и опять она, старая гимназія. Послѣ праздниковъ, завязавъ въ узелокъ учебники, я двинулся по старой, знакомой дорогѣ. Странное дѣло, теперь гимназія уже не вызывала во мнѣ чувства какого-то полу-враждебнаго, полу-боязливаго отношенія, какъ прежде. Даже встрѣча съ Аргусомъ, который ехидно сказалъ мнѣ: «Что, братъ, не долго усидѣлъ въ хорошей-то гимназіи? Должно быть, въ гостяхъ хорошо, а дома-то лучше»,—не вызвала во мнѣ обычнаго раньше предчувствія чего-то гнетущаго и пугающаго: я даже какъ-то весело-снисходительно улыбнулся на его ядовитое привѣтствіе, какъ будто онъ былъ не прежній Аргусъ, а его преображенный двойникъ. Да и все мнѣ долгое время казалось двойственнымъ. Когда я входилъ и садился въ классъ, мнѣ казалось, что и товарищи, и учитель, и самая комната—все это не прежніе, старые, а какъ будто какіе-то уже иные; все какъ будто то же, но и не то. Я долго еще путалъ имена и лица моихъ одноклассниковъ и учителей: стоило мнѣ закрыть глаза, и мнѣ уже представлялось, что на каѳедрѣ сидитъ мой любимый «новый» учитель юноша-историкъ съ капелькой на носу, а не старый, весь пропахнувшій нюхательнымъ табакомъ «брюзга», душившій насъ хронологіей разныхъ битвъ и походовъ и напечатаннымъ на оберточной бумагѣ спекулятор-скимъ учебникомъ книгопродавца Зуева. И даже этотъ самый «брюзга» сталъ казаться мнѣ болѣе добродушнымъ и комичнымъ, чѣмъ враждебно-отталкивающимъ. И вотъ то, что внесла въ мою душу новая гимназія «примиряющаго», я безсознательно принесъ съ собой и сюда.

Да и въ атмосферѣ самой старой гимназіи стали замѣчаться нѣкоторые признаки «преображенія»: заскорузлая кора старой системы, хотя медленно, стала мѣстами подаваться и трескаться подъ напоромъ новыхъ вѣяній. Появились кое-какіе новые учителя,—взамѣнъ старыхъ

въ родѣ француза парикмахерскаго типа и нѣкоторыхъ другихъ; появились новые учебники. Положимъ, это были не Богъ знаетъ какія пріобрѣтенія, а все же прогрессъ! Да и старички наши расшевелились до того, что учитель исторіи измѣнилъ Зуеву, замѣнивъ его болѣе современнымъ, а учитель русскаго языка въ четвертомъ классѣ прочиталъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», вызвавъ неописуемый восторгъ. Замѣтно было, что и экзекуцій не производилось уже такъ часто и усердно, какъ раньше. Видимо, и наша бурса «прогрессировала по-своему», хотя и съ великимъ трудомъ. Атмосфера рутиннаго, скучнаго и вялаго продолжала висѣть надъ ней еще безпросвѣтно. При всемъ томъ «примиряющемъ», что внесла въ мою душу новая гимназія, я однако еще и теперь не находилъ въ старой гимназіи того интимно-привлекающаго, хотя бы въ микроскопическихъ дозахъ, что могло бы меня духовно связать съ нею. Жизнь моя снова раздвоилась, но только теперь, вмѣсто спорта ребячьей улицы, меня всецѣло плѣнила библіотека. Все, что было въ гимназіи, продолжало быть для меня чѣмъ-то чуждымъ, формальнымъ, мертвеннымъ; все, что трепетало первыми вспышками зарождающейся страсти къ свободному духовному развитію,—все это было въ моемъ «новомъ храмѣ».

Но чѣмъ такимъ былъ для меня въ то время этотъ новый храмъ? Я сравнилъ бы его съ чуднымъ величественнымъ лѣсомъ, въ которомъ, въ торжественномъ созерцательномъ покоѣ, окруженныя молодой веселой порослью, высились громадныя колонны деревья, унося къ небу свои зеленыя короны. И вотъ я, въ какомъ-то полуснѣ, обвѣянный грезами, блуждалъ по этому лѣсу почти безъ проводника, безъ компаса, не видя опредѣленно передъ собою ни дорогъ, ни тропинокъ.

Такъ цѣлыми часами, по вечерамъ, сидѣлъ я въ своемъ храмѣ, блуждая какъ зачарованный въ хаосѣ образовъ, *проносившихся* передъ моими умственными очами.

Для меня все было полно таинственныхъ, поражающихъ откровеній, и я безбоязненно и съ чистой дѣтской довѣрчивостью переносился отъ какого-нибудь «Никласъ-Медвѣжья лапа» и другихъ романовъ Зотова къ Шиллеру и Шекспиру, и отъ Поль-де-Кока—къ беллетристикѣ «Современника».

Хорошо или дурно было для меня такое безконтрольное блужданіе среди безконечнаго разнообразія образовъ, созданныхъ человѣческимъ воображеніемъ, я затруднился бы отвѣтить опредѣленно. Быть можетъ, было лучше, что я воспринималъ непосредственно все, что давалъ мнѣ мой храмъ, и тѣмъ навсегда охранилъ свой умъ отъ узкихъ путъ того или иного руководительства и привыкъ выше всего ставить духовную независимость. При томъ же я чувствовалъ, что меня инстинктивно руководило что-то, уже раньше заложенное въ мою душу, какой-то таинственный путеводный огонекъ, при мерцающемъ свѣтѣ котораго я могъ въ большинствѣ случаевъ различать, что было достойно вниманія и восторга или же индифферентнаго отношенія. Несомнѣнно, тутъ играли уже не малую роль тѣ «легенды», которыя съ самыхъ малыхъ лѣтъ не переставали плѣнять въ разнообразныхъ варіаціяхъ мое воображеніе, таинственно и несознаваемо сохраняясь въ самыхъ укромныхъ уголкахъ моей души.

Такъ или иначе, мой «новый храмъ», несмотря на мое безконтрольное хозяйничанье въ немъ, былъ и остался въ моей памяти въ конечномъ счетѣ исключительно источникомъ чистыхъ и возвышенныхъ представленій.

Я по натурѣ однако не былъ исключительно созерцательнымъ и замкнутымъ въ самомъ себѣ; меня съ самыхъ раннихъ лѣтъ, несмотря на присущую мнѣ тогда робость и застѣнчивость, всегда влекла къ себѣ живая жизнь и люди. И вотъ, едва только я немного осмотрѣлся въ своемъ новомъ храмѣ, какъ уже у меня явилось желаніе прежде всего посвятить въ его таинства своихъ сподвижниковъ по уличному спорту. Не прошло и нѣ-

сколькихъ мѣсяцевъ, какъ многіе изъ моихъ товарищей были уже завербованы мною въ «литературный союзъ».

Осуществилось это тѣмъ болѣе легко и скоро, что большинство моихъ тогдашнихъ товарищей было изъ семинаристовъ, на «вольныхъ» квартирахъ которыхъ, среди великовозрастныхъ учениковъ, уже существовали такіе «тайные» союзы (вся конспиративность которыхъ заключалась лишь въ чтеніи «свѣтскихъ», хотя бы и самыхъ благонамѣренныхъ, сочиненій). Въ описываемые мною годы, въ семинаріи вообще уже духовные запросы какъ среди многихъ учителей, такъ и воспитанниковъ стояли значительно выше, чѣмъ въ гимназіи, гдѣ духовное развитіе, за рѣдкими исключеніями, стояло на очень низкой степени; даже ученики старшихъ классовъ почти не имѣли понятія объ иныхъ книгахъ, кромѣ схоластическихъ учебниковъ; о русской-же классической литературѣ имѣли кое-какое смутное представленіе лишь по отрывкамъ изъ хрестоматіи. Понятно, почему, едва только открылась наша библіотека, самыми первыми подписчиками въ ней и наиболѣе усердными читателями и посѣтителями явились прежде всего учителя семинаріи и семинаристы, а самыми рѣдкими—гимназисты, хотя послѣдніе не подвергались за это репрессіямъ начальства, какъ семинаристы, которымъ вскорѣ было запрещено безконтрольное пользованіе библіотекой. Это послѣднее обстоятельство неожиданно придало моей «просвѣтительной» дѣятельности довольно широкія и своеобразныя формы: какъ-то само собой я сдѣлался неустаннымъ поставщикомъ «тайной» духовной пищи для всѣхъ моихъ семинарскихъ сверстниковъ, алкавшихъ и жаждавшихъ ея. Это продолжалось во всѣ послѣдующіе годы моего пребыванія въ гимназіи, что, признаться сказать, приносило не мало огорченій моему отцу, то получавшему строгія внушенія и предупрежденія со стороны высшаго семинарскаго начальства, то узнававшему, что не мало его книгъ было конфисковано этимъ начальствомъ на рукахъ юныхъ чи-

тателей. У одного изъ инспекторовъ семинаріи, за немного лѣтъ его дѣятельности, образовалась даже довольно порядочная библіотека, исключительно составленная изъ этихъ и другихъ пріобрѣтаемыхъ учениками «недозволенныхъ» книгъ. Такія репрессіи по части свободнаго чтенія послужили только къ усиленію нашей энергіи на поприщѣ взаимнаго самообразованія и большему умудренію насъ въ дѣлѣ конспирацій: спустя два года было уже положено начало существованію тайной семинарской летучей библіотеки, которая, кочуя по чердакамъ, подваламъ и погребамъ обывательскихъ домовъ, въ теченіе многихъ лѣтъ съ большимъ успѣхомъ обслуживала духовныя нужды цѣлаго ряда юныхъ семинарскихъ и гимназическихъ поколѣній.

Такъ властныя велѣнія живой жизни создавали новое противоядіе всему, что ломало и угнетало маленькую человѣческую душу. Изъ этого источника мы начали пить съ тою-же беззавѣтностью, съ какою недавно отдавались спорту ребячьей улицы. И было намъ благо...

Этими послѣдними годами моей отроческой жизни я здѣсь пока и закончу.